

Etruscum non legitur (лат.) —
Этрусское не читается
Древнеримская поговорка

Турбины взвыли, засвистал снаружи ветер, побежала назад серая полоса асфальта наперегонки с зелёной полосой травы. Замелькали вышки, будки, самолёты, ангары, топливозаправщики. Тополя замахали руками, прощаясь. Нарастало томительное ощущение потери соприкосновения с землёй. “Эйрбас”, разгоняясь, словно наливался её тяжестью, пока под днищем что-то не оборвалось, и понеслась пустота. Мир качнулся и пошёл вниз. Косой макет аэропорта остался лежать в зелёном поле, разлинованном взлётными полосами, его разом обступила степь с ветвящимися по ней балками, слева набежала толпа домов, хаотичная в предместье и выстраивающаяся в шеренги ближе к центру. Аэропорт с диспетчерской вышкой пропал, как будто его и не бывало, внизу лежал город Южноморск, разрезанный узкой тёмной щелью бухты, которая светлела, расширяясь к морю. Мгновение — и оно уже заполнило собой весь горизонт, навалилось молодой грудью на старый, морщинистый берег. Вдруг над обрывом сверкнули на солнце два стеклянных кубика. Что-то помстилось в них знакомое... Да это же “Аквариум”! И то ли

солнце превратило его крошечные грани в увеличительные линзы, то ли при- мерещилюсь мне на секунду, но увидел я, словно сквозь крышу, игрушечные коридоры, двери, комнаты, холлы, лестницы, лифты, фойе, зеркало, а в зер- кале — теряющийся в бесконечности зал...

* * *

Впоследствии выяснилось, что сорок девять человек исчезли ещё вече- ром, а не утром, когда все всполошились. Придя на завтрак, я удивился, не встретив в гостиничном кафе ни души. Посмотрел на часы — опоздал? Да нет, 8.20, а завтрак с восьми. У стойки с едой совершенно нетронутый вид, на столах — ни крошки, приборы разложены в идеальном порядке. Всё блестит и ждёт едоков, башня из чистых тарелок стоит по стойке смирно, а едоки куда-то запропастились.

— Неужели я первый? — осведомился я у девушки из obsługi, показы- вая отелную карточку.

Та как-то неопределённо пожала плечами, даже не попытавшись изме- нить заспанно-неприветливое выражение лица на нейтральное. Я редко бы- ваю первым на какой-нибудь раздаче, но, если такое случается, не умею из- влекать выгоду из положения. Вот и сейчас: кажется, выбирай, не хочу — самую глазастую яичницу, самые пухлые сосиски, самый румяный круассан. Да как-то неудобно пользоваться случайным преимуществом, хотя кухонной девушке это, скорее всего, по барабану. Неловко, чувствуя спиной её взгляд, набрал того, что попало под руку, нацедил кофе из автомата, сел в самый дальний угол. Дурацкая ситуация: один ест, другая смотрит. Может быть, и не сморит, да какая разница, если представляешь её взгляд. Однако — где же остальные? Сказано: сбор в восемь сорок пять внизу, а ещё никто кро- ме меня не завтракал. Или учёные гульнули вчера, а сейчас не могут оторвать чугунных голов от подушки? Но, вернувшись поздно вечером с ознакомитель- ной прогулки по городу, никаких звуков гульбы я не слышал. Вообще было как-то тихо, и никто не встретился мне по пути к номеру. Да и сейчас никто не встретился, даже удивительно. Отель-то, понятное дело, почти пустой — не сезон, а вот участников конференции — этрускологов, прибывших автобу- сом из аэропорта, — вчера на ресепшене толпилось много.

Или я упустил какие-то изменения в программе? Вчера ушёл, едва за- селившись, зная, что свободного времени больше не будет. Первый день — пленарное заседание, второй — работа по секциям, вечером — банкет, а на третий день, после подведения итогов и обеда, отъезд. Теперь не советское время, чтобы ещё денёк выделять гостям на культурно-ознакомительные ме- роприятия. Отстрелялись — и домой, чтобы лишние деньги на вас не пере- водить. Это только на Востоке гостей ещё не торопят выпроваживать.

Нет, если бы были какие-то внезапные изменения, то мне бы сообщил об этом портье, вручивший по моём возвращении пакет на моё имя с доку- ментами конференции. Я их у себя просмотрел, и там было написано то же самое, что сказал в автобусе координатор: завтрак — 8.00 — 8.40, отъезд на конференцию — в 8.45, с 9.00 до 9.30 — регистрация участников в го- родской библиотеке. Ладно, Бог с ними, что мне за дело? Главное, самому не опоздать. Я допил кофе и пошёл обратно в номер, собираться.

В коридорах и у лифтов снова я никого не встретил. Ну, значит, здесь так. Пусто и необыкновенно просторно. Номер мой был чуть не с футболь- ное поле. Окна — от пола до потолка, отдернешь шторы — море света. Пря- мо все шесть, а не пять “звёзд”. Не говоря уже о том, что “звёздами” я во- обще не избалован и был бы доволен приличными тремя, иными словами — номером размером со здешнюю ванную. Вчера кто-то сказал, что отель толь- ко-только построил некий высокий чин из Минэкономразвития, и мы в нём едва ли не первые постояльцы. Мы да ещё местная футбольная команда. (Дело ясное — пробное заселение оплачивается из бюджета. Эти, из Минэ- кономразвития, умеют устраиваться.) У футболистов статус был посромнее нашего. На ресепшене я слышал, как молодой человек в спортивном костюме

с обидой говорил лысому жилистому тренеру: “Нам же обещали, что игроки будут жить по одному!” “Так то игроки!” — парировал тот. — А ты кто? Вратарь!” Оказывается, вратарь — не игрок. Во всяком случае, здесь.

По совести говоря, среди этрускологов — я тоже “не игрок”. У меня даже нет учёной степени. Но я автор книги о праславянах, в которой есть глава об этрусках. Не то чтобы я напрямую выводил русских из “этрасских”, как это сейчас модно, однако те материалы по сравнительной лингвистике, что я прочитал по ходу работы, свидетельствовали, что случайных этимологических совпадений в истории языков почти не бывает. Допустим, этрусски — это римское название, но сами-то они себя называли расена. Причём и “расена” эта известна нам в передаче историков древности, не заботившихся о транскрипции, а в этрусских надписях читаем просто — “рус”. И “земля” у них была “земеля”. При таких совпадениях нашим лингвистам и историкам нужно быть дураками, чтобы не искать общности. Другое дело, что в таинственном языке этрусков чем дальше в лес, тем больше дров, и “дрова” эти, с позволения сказать, не очень похожи на что-то славянское, а тем более русское. Однако и язык “Беовульфа” слабо напоминает не только современный английский, но и староанглийский. Всё то, что мы подразумеваем, говоря о древнеславянском или древнерусском, основано на сравнении средневековых образцов с современным языком. А ведь древнеславянскому, в свою очередь, предшествовал другой язык, более древний. Был ли он этрусским, венецким или ретским, мы не знаем. Но общее между этрусским и русским, если оно есть, можно найти, последовательно подбирая соответствия этрусскому в старославянском, древнерусском и уж потом только в русском. И не оттого ли “этрасское не читается”, что читают неправильно, ища “формулу соответствия” в неславянских языках? Ну, и так далее — об этом и была моя глава. Надо сказать, что подобных теорий, начиная с XIX века, выдвигалось немало, и я не знаю, почему именно меня пригласили на конференцию. Наверное, в качестве мальчика для битья, чтобы показательно выпороть и в очередной раз объявить антинаучными воззрения тех, кто ищет родство русского и этрусского. Я, вообще-то, не против: в нынешних условиях академическая порка — не худшая форма пропаганды твоих взглядов. И возможность, к тому же, дать вторую жизнь моей книге, которая вышла не очень большим тиражом. Доктора и кандидаты эти докажут, конечно, что я неуч, но сами наверняка не предложат ничего нового, и моя тема окажется на конференции самой интересной. Так я мнил, а как оно будет на самом деле, Бог знает.

В номере я взял папку с бумагами, бейджик и спустился в холл. Навстречу цугом шли раскрасневшиеся футболисты — видимо, после пробежки, в предвкушении завтрака. Этрускологов же я снова не увидел никого. Я человек мнительный и сразу стал думать: может, меня так изолируют? Но зачем? Я же не напрашивался на это мероприятие. Подошёл к портье — это был другой, не вчерашний.

— Скажите, а где участники конференции?

— Простите, какой конференции? — не понял тот.

— Международной конференции этрускологов. Вы что, не слышали о них?

— Слышал, но не видел. Вы первый.

Я опешил.

— Позвольте, вчера целый автобус заселился!

— Но я не дежурил вчера.

Дурдом! Я повернулся и вышел на улицу. На парковке увидел автобус с табличкой на лобовом стекле: “Международная конференция этрускологов”. А, вот и славно. Наверное, ждут только меня. Я вошёл в открытую дверь. Водитель, скучая, сутулился над баранкой. Все места в салоне пустовали. Я молча показал шоферу бейджик и сел у окна. Надоело мне спрашивать об этих этрускологах. Что я, в конце концов, организатор, что ли? Пусть сами разбираются.

Мы сидели и молчали. Площадь перед новеньким отелем была пуста. Несколько машин, кипарисы с ван-гоговскими хохолками, южные белоствольные

тополя. Тишина, солнце. Незаметно для себя я задремал. Потом очнулся и посмотрел на часы. Три минуты десятого.

— А мы не опоздаем к началу конференции? — спросил.

— Если я повезу вас одного, мне придётся потом возвращаться за остальными, — ответил водитель. — А у меня только одна путёвка — туда и обратно.

— Стало быть, вы ещё не отвозили никого?

— Нет, кроме вас никто не приходил.

— А давно вы здесь?

— С восьми сорока.

Я вытащил телефон и нашёл в “Именах” записанный вчера номер координатора Хачериди, позвонил. “Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети”, — был ответ. Я уже ничему не удивлялся. Выйти, что ли, взять такси? Но ради чего, скажите на милость, я буду это делать, если там всё равно никого нет? Или все этрускологи вышли из отеля поодиночке и уехали на такси?

— А такси здесь на площади кто-нибудь брал, вы не заметили?

— Если и брал, то не здесь. Отъезжающих машин я не видел. И приезжающих тоже. Может быть, вам сходить в гостиницу, разбудить ваших товарищей?

— Знать бы ещё, где живут эти товарищи! Я не смотрел, куда их заселяют. На своём этаже никого из них я не видел.

— Так спросите на ресепшене.

— Спасибо, уже спрашивал. Там теперь портье из новой смены, которому всё по барабану.

— Тогда так и будем стоять? Мне-то, в общем, всё равно.

— Я понял. Мне, наверное, не всё равно, но что я там буду делать один? Посижу ещё с вами, потом поеду на такси.

Шофер выругался и завёл двигатель.

— Обратной за ними поеду, если оплатят вторую ходку из своего кармана. А то что же это: взрослые люди и не могут собраться вовремя!

Город Южноморск, как и следовало из названия, лежал у моря, но не был курортом. Точнее, он всегда хотел, но как-то не складывалось. Не хватало то ли доступных пляжей, то ли атмосферы беззаботности и лёгкого разврата. Здесь трудились, служили на военном флоте и ловили рыбу. Утренние улицы были чисты и по-приморски старомодны, с обилием юной зелени на бульварах и необыкновенным количеством балкончиков, облицованных фасады домов времён царя Александра Третьего Миротворца. Развязная реклама тут смотрелась странно, как хулиганство. Люди степенно шли по своим делам или без всякого дела. Им, похоже, не нужен был сверхскоростной мобильный интернет или даровые пять тысяч за первую ставку в спортивном тотализаторе “Фонбет”. Столь же равнодушными оставляли их многочисленные ювелирные магазины, которых в наших городах развелось больше булочных. Автобус ходко двигался по улицам, не обезображенным пробками. В небе парили на изогнутых крыльях чайки, напоминающая о близости моря. Самого же моря не было видно: оно лежало внизу, стиснутое длинной узкой бухтой, а открытая вода имелась как раз там, откуда мы выехали, — у отеля “Аквариум”, курортной надежды города.

Я почти не удивился, когда увидел, что холл городской библиотеки пуст. Моё одиночество уже обрело тенденцию, и странно было бы, если бы оно враз нарушилось. Девушка, сидевшая за столом регистрации под вывеской “ЭТРУСКИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА. Международная научно-практическая конференция”, имела какой-то напуганный вид и всё косилась в сторону коренастого мужчины в сером костюме, стоявшего лицом к окну.

Лист с фамилиями участников перед регистраторшей был девственно чист. Я подошёл и представился.

— Почему вы один? — прошептала она.

— А с кем я должен быть? — прикинулся непонимающим я. Если не удаётся ничего выяснить напрямую, то пойдём обратным ходом.

— Где ваши коллеги? Конференция должна уже начаться. В зале журналисты. На открытие приехал наш глава администрации.

Мужчина у окна повернулся ко мне. Бугристый лоб его навис над глазами, брови сдвинулись в одну линию. Без сомнения, он был зол.

— Хорошо, я понимаю, вы учёные, а не чиновники или солдаты, — процедил сквозь зубы он. — Но должно же быть и у вас какое-то представление о порядке. Город сделал всё для успешного проведения конференции. Хотя мы не имеем таких возможностей, как Москва. А вы? Зачем вы взялись за это дело, если не способны организовать людей? Почему вы приехали один?

— Что же здесь странного? Я и в ваш город прилетел один, и сюда приехал один, — ответил я. — Вы, вероятно, решили, что именно я организатор от этрускологов? Нет, я обыкновенный участник. Причём я вовремя вышел из отеля и вовремя сел в автобус. И этот вопрос: “Почему я один?” — у меня самого крутится на языке с утра.

— То есть, вы хотите сказать, что автобус привёз только вас?

— Совершенно верно.

Глава администрации сочно выговорил “б...”, но осёкся и раздавил зубами прочие звуки предполагаемого слова.

— А куда могли запропасться остальные? Там же у вас и иностранцы есть!

— Я думаю, вы уже поняли, что это вопрос не ко мне. Нужно звонить организаторам.

— Да звонили! — скривился он, кивнув в сторону дамы за столом. — Недоступны!

Я развёл руками:

— И мне недоступны.

Мэр задумался на секунду, пожевал узкими губами, глянул на часы и бросил регистраторше:

— Я поеду к себе. Вернусь после перерыва, скажу приветственное слово. Звоните. И всегда вот так с этой Москвой! Не по-людски!

Он ушёл, сердито вбивая каблуки в плиточный пол. Мы остались с девушкой одни.

— Ну, хоть вы распишитесь, — предложила она.

Я поставил автограф и пошёл в зал.

* * *

Полтора десятка местных журналистов и блогеров, томившихся там бездеятельностью, сразу окружили меня, когда поняли по бейджику, что я “участник”. “За неимением гербовой, пишут на простой”, так и я на несколько минут превратился в “звезду науки”. Никогда в жизни я не был настолько популярен. Меня интервьюировали сразу несколько человек. Особенно старалась одна молодая дама с расширяющимся к низу носом, как у красоток Модильяни:

— Почему исчезли этруски?

— Я же вам говорю: я тоже с утра их не видел...

Народ засмеялся, а я поморщился. Остричь я не хотел: просто, уже по привычке, услышал “этрускологи” вместо “этруски”.

— Простите, я думал, вы всё о моих запропавших коллегах... Знаете, есть народы, которые исчезают, как кельты или готы. Вот и этруски исчезли.

— Я читала, что римляне всему научились у этрусков. Значит, ученики превзошли учителей?

— У них был сильнее выражен инстинкт государственности.

По лицу дамы пробежала тень. Видимо, она была либералкой.

— В Северной Корее тоже сильно выражен инстинкт государственности. Но значит ли это, что за ней будущее?

— Ничего не могу сказать про Северную Корею, не был. Но, если вдруг ослабнет её южный сосед и с полуострова уйдут американцы, то какая из

Корей возобладает? Наверное, та, в которой сильней государственность. Вот и римляне: да, они не придумали водопровода и даже тогу позаимствовали у этрусков, но им, чтобы послать куда-то войско, не требовалось вести переговоры между двенадцатью городами.

— Значит, всё так просто?

— Да, всё просто, как и в нашей жизни. Только мы не доживаем и до ста лет, а история складывается столетиями. Вот и судите сами, просто или нет было небольшому племени из Лация создать империю, окружившую Средиземное море, словно это какое-нибудь озеро.

— Если римляне действительно переняли всё лучшее от этрусков, зачем нужна этрусология? — заинтересовался молодой человек хипстерского вида.

— Затем хотя бы, что римляне без этрусков погибли бы. Для них, кстати, полное исчезновение их языка и искусства в первом веке нашей эры стало неприятной неожиданностью. Римляне, очевидно, всё же хотели бы иметь при себе небольшую прослойку этрусской элиты, чтобы она и дальше подпитывала их в научной, технической и культурной сфере. Иначе чем объяснить, что будущий император Клавдий написал фундаментальную “Историю этрусков” в двадцати книгах и составил к ней словарь этрусского языка? Ничего подобного не было за всю историю римско-этрусских отношений. Очевидно, что Клавдий хотел оживить ассимилированное этрусское сообщество. Но было поздно.

— Значит, существует этрусско-римский словарь? Почему же сейчас не могут читать этрусские надписи?

— Ни одно из сочинений Клавдия до нас не дошло. Причём они были утрачены ещё тогда, в эпоху расцвета Рима, во втором веке. Это довольно странно, поскольку Клавдия, как и Августа, после смерти обожествили. Но, видимо, он написал нечто такое о роли этрусков в истории Рима, что не пришло по вкусу ни Нерону, ни его преемникам.

— А может быть, и потомков этрусков уже не было в Риме? Иначе бы они озаботились, чтобы сохранить свою “Историю”? — спросила дебелая женщина с могучими ляжками, выставленными на всеобщее обозрение мини-юбкой. Она представляла местное ТВ, судя по оператору с “Бетакамом”, выполнявшему её указания.

— Весьма может быть. Согласно свидетельствам античных историков, в восемьдесят девятом году до новой эры на Апеннингах нет-нет да звучала этруская речь, и продавались ещё их знаменитые вазы и зеркала. Потом — как отрезало. А всё дело в том, что именно в этом году этрусков объявили римскими гражданами. По обывательским понятиям того времени, мало отличавшимся от нынешних, это было хорошо, сулило обладателям новые права и возможности, а с точки зрения той небольшой доли самостоятельности, что ещё оставалась у этрусков, — не очень. Фактически их переверстали в римлян, обязав забыть, что они этруски. Полагаю, что тем из них, кто сумел к концу первого века до новой эры сохранить национальную идентичность, это совсем не понравилось. Но в новом статусе особого выбора не было: либо ты римский гражданин, либо нет. И тем, кто решил “нет”, пришлось, очевидно, покинуть пределы империи.

— И куда же?

— Это одна из этрусских загадок. Но в Ватикане хранится средневековая карта Древнего Рима, на которой указано две Этрурии: одна, нам известная, находится на Апеннингах, а другая — значительно восточнее, над средним течением Дуная, в Карпатах.

— Неужели на территории нынешней Украины? — оживился пожилой плешивый мужчина в “разгрузочном” жилете, старейшина местного журналистского цеха, очевидно.

— Не исключено. Только не говорите об этом украинскому делегату, если он имеется. Шутка. Границы второго местопребывания этрусков на этой карте не обозначены: просто написано “Этрурия” и поставлен прямоугольник. Ни координат, ни названий, кроме Дуная, всё примерно. Но по общему местоположению это и впрямь может быть и Закарпатье, и Прикарпатье, и Буковина.

— А как в свете этой карты вы смотрите на утверждения, что этруски имеют отношение к русским?

— Перед нами тот уникальный случай, когда непосредственными носителями этого утверждения были не исследователи, а исследуемые. Разве сторонники “русской версии” назвали этрусков русами, расами, расеной? Нет, они сами. Римляне же говорили в точности, как и мы, — “русские”, с тем исключением, что зачем-то прибавляли к этому слову союз “et” — “и”. “Etruscans”, “ирусские”. Тут, кажется, что-то вроде истории с подпоручиком Кижке. Очевидно, в каком-то давнем документе перечислялись народы Апеннин, в том числе, “et fuscans”, без разбивки на слова, как это тогда было принято. А потом, по прошествии времени, кто-то, уже малознакомый с тамошними этносами, переписал название этого народа вместе с союзом “et”. И пошло — “этруски”. Они, кстати, и славянами себя называли — slaveni — в Пиргийских табличках пятого века до нашей эры. Это вообще первое зафиксированное в истории упоминание о славянах. Переводы этрусских надписей, сделанные с использованием славянских и древнеславянских языков, по-моему, самые убедительные и отражают суть рисунков при надписях.

— Можете ли вы привести примеры?

— Ну, вот, скажем, часть надписи седьмого века до нашей эры, начертанной на спине змеи, обвивающей кувшин: “Е малу дике малу века ви сия жили”. Нам с вами, пожалуй, тут незнакомо только слово “дике” — точнее, употреблённое его значение. Между тем, на словенском и сербохорватском языках “дика” — доблесть, слава. Словенец Матей Бор совершенно справедливо переводит эту фразу на свой язык: “Je malo dike, malo veka v tem žitji”. По-русски же будет: “Мало славы, мало времени в сей жизни”. Для кого-то это удивительно, а вот знаменитый академик Марр считал, что в недрах русского языка существует огромное этрусское наследие, притом в составе наиболее коренных русских слов.

— Каких же?

— Рай, радуга, рок, рокот, тризна, луч, глаз, рот, рождать, расти, раб, отрок, ребёнок, река, ремесло, рыть, рушить, стричь, красный, румяный, рыжий, лайка, конь, лошадь, лось, — и это лишь малая часть слов.

— В чём же тогда проблема? “Русскую версию” не принимают западные этрускологи?

— Они её даже не обсуждают. Любопытно послушать, что они скажут на этой конференции. Хотя лично мне это заранее известно. Для западных учёных этруски без приставки “эт” политически неприемлемы, ибо тогда выходит, что протославяне стояли у истоков древнеримской цивилизации. А значит — европейской цивилизации вообще, ведь она строилась по римскому образцу. Тем не менее, не все сторонники “русской версии” — русские или славяне. Например, Себастьяно Чампи, пионер “славянской этрускологии”, — итальянец. На родине его методы объявили ненаучными, хотя этрускологов такого уровня не было в тысяча восемьсот двадцать четвёртом году не только в Италии, но и во всей Европе. Причём Чампи, в отличие от оппонентов, знал славянские языки. С тех пор картина не меняется: “славянский след” отвергают, прежде всего, те, кто не имеет никакого представления о славянской лингвистике. Таков, с позволения сказать, “истинно научный метод”.

— Вы, как можно понять, сторонник именно “русской версии”? — уточнил давно тянувший руку человек с бритым интеллигентным лицом, выделяющийся среди остальных костюмом и галстуком.

— Я постарался её объективно изложить в главе своей книги о праславянах — скорее, в информативном, нежели в апологетическом ключе. И тому есть причины. Этрусков недаром считают самым загадочным народом. Откроешь у них одну тайну, и вылезет десять. Так и с “русским следом”. Допустив, что этруски — праславяне, мы вправе ожидать эволюцию их языка от праславянского к древнеславянскому. Практически же это означает, что поздние этрусские надписи должны быть нам понятнее, чем ранние.

— А это не так?

— Совсем не так. Как славянские, довольно легко прочитываются именно ранние надписи, а в поздних можно лишь отыскать славянские корни

и следы славянского синтаксиса, но смысл понять невозможно. Такое ощущение, что язык этрусков после пятого века до нашей эры претерпел сильные изменения под влиянием другого языка.

— Какого же?

— Новая этрусская загадка. Ясно лишь, что ни к латыни, ни к языкам других италийских народов он не имеет никакого отношения. И тут приходится вспомнить версию “отца истории” Геродота о происхождении этрусков. Они якобы жили ещё до Троянской войны в малоазийском царстве Лидия и отплыли в Европу, сначала на Балканы, а потом на Апеннины, спасаясь от многолетнего голода, постигшего страну. Именем их предводителя, Тиррена или Тирсена, названо море, омывающее итальянский “сапог” с запада. Эта теория скептически воспринимается многими сторонниками как “славянского следа”, так и “неславянского”, ибо близкие ранним этрускам по языку и письменности альпийские реты пришли явно не из Малой Азии. Язык же лидийцев совершенно иной, нежели этрусский, и вряд ли он влиял на него в поздний период существования Этрурии. Но вот какая штука... В отличие от других античных историков, Геродот жил не в пору угасания или исчезновения этрусков, а тогда, когда они ещё были в силе, то есть в пятом веке до нашей эры. Как современник, он имел возможность общаться с настоящими этрусками, а не латинизированными. Поэтому просто взять и отмахнуться от версии Геродота невозможно.

— Получается какой-то заколдованный круг.

— Ещё какой заколдованный! Оттого усилия исследователей, независимо от их отношения к “славянскому следу”, направлены на устранение этого противоречия. Вспоминают, в частности, что было несколько волн миграции на Апеннины из Малой Азии. О первой нам говорят такие античные авторы, как Гомер и Цицерон. Речь идёт о царе Энее и его соотечественниках, союзниках троянцев в войне с греками, покинувших Трою после её падения. Надо сказать, что имя царя и название его народа, энетов, звучат у Гомера так потому, что древние греки не знали звука “v” и замещали его звуком “h”, дигаммой. А поскольку нам известен народ “венеты”, который многие исследователи считают праславянским, а финны, эстонцы и карелы до сих пор называют так нас, русских, то мы вправе спросить, не являлись ли энеы Гомера на самом деле венетами? Тем более, что римляне, которые имели звук “v”, называли гомеровских энетов именно венетами. Точно так же они называли представителей атегинской или палеовенетской культуры, живших на северо-востоке Апеннин с начала первого тысячелетия до нашей эры. Это те, кому обязана своим названием Венеция. То есть, венеты из Малой Азии мигрировали не вслепую, а к европейским сородичам, причём двумя колоннами, если верить историкам древности. Первая — во главе с Энеем, вторая — во главе с троянским старейшиной Антенором. А учитывая, что у атегинских венетов и этрусков была практически одна и та же письменность и схожий, хотя и не одинаковый язык, мы можем предположить, что малоазийские венеты и были предками ранних этрусков, надписи которых читаются с помощью древнеславянского языка. Допустим далее, что история, рассказанная Геродотом, верна. Только лидийцы во главе с Тирреном являлись не праотцами этрусков, а прибывшей к ним новой миграционной волной. Встроившись в этрусское сообщество, тиррены постепенно возобладали над праславянским элементом в нём. И надписи этрусков этого периода нами уже почти не читаются. Всё вроде бы логично, только непонятно, зачем лидийцам потребовалось перенимать письменность этрусков, если у них была своя, схожая с древнегреческой.

— Говорят ещё о пеласагах как предках этрусков.

— Собственно, пеласги, по мнению многих историков, и есть тиррены. Говорят также, что и гомеровские энеы — суть пеласги и тиррены, потому что местопребывание этих трёх народов и маршруты миграций пересекаются. К тому же, на острове Лемнос в Средиземном море, являющемся перевалочным пунктом для мореплавателей-пеласгов, обнаружены две надписи седьмого-шестого веков до нашей эры, выполненные схожим с этрусским алфавитом и языком. Причём одну из них, Эфестийскую, ничего не стоит перевести на русский даже мне, неспециалисту.

— И что же там написано?

— “Hktaonosi heloke soromš aslaš”. “Сором”, как известно, на древнерусском — “стыд”, “позор”, “срам”. “Хтонический” по-гречески — “подземный”. Слов “heloke” и “aslaš” я не знал и запросил перевод с разных языков у “Гугла”. Он выдал, что по-турецки helak — это смерть, ад, проклятие, что соответствует греческому “коласи” — ад, геенна. Слово aslaš нашлось в литовском и латышском языках и означает “разделять”. Такой лингвистический разброс не должен нас удивлять, ибо и древнерусский, и древнелитовский, и древнелатышский восходят к одному балто-славянскому языку. В нашем языке это “aslaš” сохранилось в виде слова “слоиться”. Заимствования в турецком из греческого — тоже не редкость. Таким образом, есть все основания предполагать, что легендарные пеласги писали на некоей смеси древнегреческого и праславянского, и означает Эфестийская надпись примерно следующее: “Подземный ад, позор разделяющим”. Но, если я, не будучи лингвистом, так легко перевёл её, то не пеласги были таинственным “народом X”, сделавшим этрусский язык из читаемого нечитаемым.

— Тогда кто же? Есть предположения на этот счёт?

— Лично у меня не было, пока я не обратил внимания на одну этрусскую надпись с кувшина, переведённую Матеем Бором. В ней осуждаются “русы”, пьющие “с jeme cu hetie”. Что за “hetie”? Первое, что приходит в голову — это хетты. Или, скорее, хеттиты, то есть потомки древнего индоевропейского народа хеттов, во времена этрусков уже не существовавшего. Так может быть, это они были геродотовыми “лидийцами”, а никакие не пеласги, обосновавшиеся на Апеннинах уже давно? Геродот едва ли знал разницу между лидийцами и хеттитами, жившими в Лидийском царстве. Да и хронология у него хромает: Тиррен со товарищи никак не могли отплыть в Европу из Лидии за столетие до Троянской войны, потому что никакой Лидии тогда ещё не было. А при Геродоте её уже не было, так что он излагал легенду о происхождении этрусков с чужого голоса. Естественно, при таких обстоятельствах весьма возможны анахронизмы и неточности. Описанный Геродотом голод случился, вероятно, после разрушения Лидийского царства персидским царём Киросом в пятьсот сорок шестом году до нашей эры. Тогда всё сходится, и лидийские хеттиты вставляются в схему этрусской истории. Ведь не сразу же они превратились в этрусков, был какой-то период взаимной притирки, едва ли короткий. Фрагмент из него и зафиксировала переведённая Бором надпись на кувшине, что само по себе весьма ценно. Только вот задача с “хеттским следом”: поздние этрусские надписи не удаётся прочесть и с помощью хеттского языка, который полностью реконструирован.

— Новый тупик?

— Да, и, похоже, не последний. Предполагается ещё, что на индоевропейский язык этрусков оказал сильное влияние какой-то неиндоевропейский, отчего и получился сложнейший субстрат, ключ к которому мы подобрать не можем. Возможно ли это? Возможно: лет за двести до первой Пунической войны некоторые этрусские города задружились с карфагенянами или финикийцами, семитским народом, проживавшим в Северной Африке. Известные Пиргийские таблички пятого века до нашей эры выполнены на двух языках — этрусском и финикийском. Когда их обнаружили, этрускологи всего мира праздновали победу, думая, что это билингва, и теперь нет препятствий для расшифровки этрусских слов посредством финикийских. Но не тут-то было: финикийская версия оказалась не переводом, а отдельным текстом, хотя и повествующим о том же событии. Однако показателен сам факт появления двуязычных табличек и то, что в своём тексте этрусски выказывали почитание финикийской богини Астарты наряду со своей Уни-Юноной (этот фрагмент прочитывается всеми переводчиками). Такое произошло с этрусками впервые после признания ими греческих богов. И, стало быть, более тесные контакты с финикийцами, включая широкие языковые заимствования, вероятны. Между тем, карфагенская религия была далеко не безобидной: там считалось обычным делом сжигать живьём детей-первенцев в качестве жертвы Ваалу и Астарте. Едва ли этрусски об этом не знали. Но они, очевидно, искали сближения с финикийцами для укрепления

своих позиций в противостоянии с римлянами, а финикийцы хотели от этрусков того же. Эти надежды оказались напрасны: ни карфагеняне не помогли Этрурии против римлян, ни этрусски Карфагену, когда Ганнибал вторгся в Италию.

— Этруски поняли, что финики эти никогда не помогают славянам! — сказал доселе молчавший мужчина с рублеными чертами лица и бородой. Народ заулыбался — видимо, бородатый не раз веселил их подобными “приколами”.

— Вот и решайте теперь, славяне этрусски или русские, даже если они сами себя так называли. И на каком языке говорили те, кто предположительно оказался в Карнатах.

— Русские те, кто говорил на древнерусском. Остальные — этрусские, — предложил простое решение русопят.

— Другими словами, вы предполагаете ввести разделение на “ruscans” и “etruscans”, где “et” означало бы отступничество от русского? Остроумно.

— А то, — охотно согласился бородатый.

Кто-то пошутил:

— Наверное, теперь конференцию можно вообще не проводить, вы уже поработали за всех.

Я очнулся. Повышенное внимание к моей скромной персоне убаюкало меня. Между тем, за полчаса этого импровизированного интервью ни один мой коллега в зале не появился. Что там этрусски — они исчезли давно, а вот где этрускологи? Я что — вот так и буду один целый день вещать журналистам? Нет, поеду в гостиницу. Скажу девушке на регистрации, пусть меня вызовут, когда они, наконец, соберутся.

Я встал и попрощался с прессой:

— Извините, друзья. Но мне действительно неловко заменять здесь всех. Давайте сделаем перерыв, что ли.

— Напишите, пожалуйста, как точно звучат надписи, переводы которых вы привели, — попросил, протянув мне свой блокнот, интеллигентный мужчина в костюме. — А то с голоса можно напечатать с ошибками.

— Вам как написать: кириллицей, латиницей или “этрускицей”? — пошутил я. — Я, знаете, могу и этрускицей — немного изучил её, когда писал главу об этрусках для своей книги.

— Давайте лучше латиницей, — серьёзно ответил тот. — А то, боюсь, в компьютерной программе нет этрускицы. — Профессионал, сразу видно.

Я встал и пошёл на выход. Журналисты мне похлопали. О, слава, как ядовита твоя сладость! Как лишняя ложка сахара в кофе.

* * *

Стеклянная громада отеля была видна издали. Он и впрямь напоминал аквариум, только не один, а два, соединённые понизу перемычкой-вестибюлем. Я возвращался на такси, поскольку мне не улыбалось ехать назад в пустом автобусе и со злым водителем. В пронизанном светом “Аквариуме” было по-прежнему пусто, только давешний портье нервно тыкал в кнопки телефона. На меня он посмотрел затравленно. Не сказав ему ни слова, я пошёл к лифту.

— Могу ли я вас пригласить на чашечку кофе? — услышал я за спиной.

Я обернулся. У стенда с газетами и журналами стоял кривоногий молодой человек в усах, который зачем-то натянул на себя узкие по моде брюки, делающей эту кривизну какой-то особо подчёркнутой и, даже не побоюсь сказать, развратной. Под стать брюкам был и его модный пиджачишко, который держался на одной пуговице, едва сходясь на уже обозначившемся брюшке.

— Простите?

— Капитан ФСБ Ротов Сергей Павлович, — он развернул красную книжку. — Хотелось бы обсудить возникшую эээ... неординарную ситуацию.

Та-ак. Значит, дело не в опоздании или каких-то организационных нестыковках — всё серьёзнее. Что за напасть на меня такая: постоянно попадать

в истории! Я молча кивнул, и мы прошли в бар отеля, совершенно пустой в эту пору.

— Судя по вашему появлению, — предположил я, когда мы уселись за столик и заказали кофе, — мои коллеги так и не объявились.

Он покачал головой.

— Тогда при чём здесь ФСБ? Пропавшими людьми занимается полиция.

— Мы не можем игнорировать озабоченность властей города, что срывается важное мероприятие международного значения. К тому же, среди участников есть иностранцы, а это уже по нашей части. Скажите, нет ли оснований предполагать в поведении делегатов какую-то форму бойкота?

Я пожал плечами:

— Да я их не знаю, этих делегатов. Я писатель, они учёные. Сошлись мы вместе только у автобуса в вашем аэропорту. Лишь тогда я понял, что кого-то уже видел в самолёте. Пока ехали, ни о каком бойкоте ничего не слышал.

— А что вообще слышали?

— Я не особенно прислушивался. Некоторые из них были хорошо знакомы друг с другом и болтали о каких-то им известных обстоятельствах и людях. А по пути ещё говорил по внутренней трансляции координатор.

— О чём?

— Ну, например, что сегодня день заезда и питание в отеле для нас не запланировано, поэтому нам выдадут деньги на ужин в городе.

— А сами вы ни с кем не перемолвились словечком? Не завели знакомства, пока ехали в автобусе?

— В автобусе — нет. А в самолёте разговорился с соседом с такой героической фамилией... ммм... как же его? Ворошилов? Нет — Киров! Доцент Киров, точно. Причём внешность фамилии решительно не соответствовала: ухоженная борода, золотые очки.

— И о чём вы говорили?

— Собственно, это он говорил. Я бы к человеку, сидевшему даже не рядом, а через проход, не стал обращаться. Дело в том, что он очень боялся летать и поинтересовался у меня, поскольку соседкой справа была женщина, будут ли в салоне разносить алкоголь. Ну, слово за слово, познакомились, поняли, что летим на одно мероприятие. Киров этот всё хотел довести до моего понимания, что в воздухе под нами будет пропасть в десять километров. “Это же уму непостижимо! Это же уму непостижимо!” — без конца повторял он. А на взлёте попросил взять меня за руку. Через проход, представляете! Я машинально взял, и полсалона на нас оглянулись. Не знаю, что они подумали, но я после взлёта постарался от его влажной ладони побыстрее освободиться. Ну, а дальше ему спиртного принесли, он немного успокоился. Когда стали снижаться, я прикинулся спящим, чтобы больше не держаться с ним за руки. Ну, вот и всё.

— Н-да, понятно. — Ротов был явно разочарован. — Хорошо, вот вы приехали... Ваши коллеги, что, не пошли в отель?

— Как это — не пошли? Все пошли.

— Почему же они не зарегистрировались?

— Позвольте?..

— Зарегистрированы в “Аквариуме” только вы.

Я не верил своим ушам.

— Да что вы! Передо мной у стойки стояло человека три и за мной невесть сколько. Как они могли не зарегистрироваться?

— А вы видели это?

— Что — это?

— Ну, как их регистрировали.

— Естественно, я не следил за действиями портье. Все брали карточки и шли их заполнять. Я тоже. А что уж он там с ними делал... Полагаю, вам лучше спросить у него самого.

— А видели ли вы, чтобы кто-то из ваших людей заселялся?

— В лифте со мной поднимались несколько человек — наши, не наши, сказать точно не могу. Но они вышли на других этажах, ниже. Так что я не

могу знать, как конкретно и куда они заселялись. На моём этаже никого из них не было — во всяком случае, тогда.

— Вы, насколько я понял, сразу по заселении отправились в город. Когда вы спустились холл, там кто-то ещё был?

— Полным-полно этрускологов. Я ведь только оставил в номере вещи. Кто-то ещё стоял у стойки, а кто-то получал деньги на ужин у координатора. А вы говорили с портье?

Ротов замаялся.

— Видите ли, он тоже куда-то исчез, — буркнул после паузы он.

Я закашлялся, поперхнувшись глотком кофе. Что? И портье исчез? Это дурной сон? Или какой-то дешёвый детектив с элементами театра абсурда, в который я умудрился вляпаться? Спрашивается, за каким чёртом я вообще поперся сюда? Что мне эта конференция? Разве я не знал, что не услышу здесь ничего нового? Покрасоваться, что ли, захотел? Ну, что ж, теперь ты можешь проявить себя: найди капитану Ротову полсотни этрускологов и одного гостиничного портье.

— А наш координатор? И он, что ли, исчез?

— Да, — кивнул он.

Воцарилось молчание. Кофе потерял вкус, мне нестерпимо захотелось в аэропорт, на самолёт, домой.

— Да, вспомнил! За стойкой была ещё девушка, она занималась футболистами. Неужели и она?..

— Увы, и она.

— А футболисты?

— Знаете, мне не до шуток.

— Простите, я и не думал шутить. Но, согласитесь, исчезновение футболистов было бы не более непостижимо, чем исчезновение этрускологов.

— Футболисты в порядке. Хотя лучше бы это их похитили: плетутся в конце турнирной таблицы, позорят город... И ими бы точно занималась полиция. Вот что я ещё хотел спросить у вас... Мне, конечно, доводилось читать об этрусках, и общее представление о них я имею. Но тонкости мне не известны. Скажите, насколько резонансна тема конференции?

— Интерес к ней достаточно устойчивый, особенно учитывая загадочный характер этрусков. Что до остального... Вокруг этрусков, на мой взгляд, всегда есть какой-то налёт чертовщины — вроде как у Проспера Мериме в рассказе “Этруская ваза”. Но мне не доводилось слышать, чтобы похитили хотя бы одного этрусколога, не говоря уже о полусотне. Вот если бы темой конференции была коррупция власть имущих... или что-то в этом роде...

— А каких-нибудь научных сенсаций на конференции не предвиделось?

— Судя по темам докладов в программе, вроде бы нет. Ну, а содержания их, как вы понимаете, я не знаю.

— А ваш доклад? Вы ведь выдвинули в нём какую-то альтернативную версию?

— А вы откуда знаете?

— Из информации о вашем общении с прессой.

— Хм... оперативные у вас информаторы. Но я не понимаю вопроса. Вы намекаете на то, что я мог устроить похищение делегатов, дабы на конференции прозвучала только моя гипотеза?

— Не знаю, как насчёт похищения, но хочется, согласитесь, понять, почему все куда-то пропали, а вы нет.

— Версия первая: я слишком быстро уехал из отеля и не попал на вечерний банкет, который делегаты себе организовали или кто-то им организовал, что вернее всего. И с этого банкета, затянувшегося за полночь, они почему-то в отель не вернулись.

— Но они, напомним, ни в какой отель не заселились.

— Это ещё не известно. Надо найти портье, чтобы выяснить, почему он их не зарегистрировал.

— Согласен. Однако он не только их не зарегистрировал, но и не выдал им карты-ключи. Куда бы они возвращались? Они пропали с вещами! А вторая версия?

— Они решили поехать на какую-нибудь экскурсию за город, чтобы с пользой провести свободное время, а там сломался автобус. Не знаю, правда, зачем бы им потребовалось брать вещи.

— Далеко же они должны были уехать, чтобы не вернуться к утру!

— Отсюда версия третья: за время моего отсутствия произошло нечто такое, что заставило их сменить отель. В итоге произошла путаница, и автобус послали не туда.

— Это правдоподобней. Тогда с минуты на минуту они должны появиться: не в соседней же области этот отель!

— Вероятно, но они всё не появляются. А у вас есть их телефоны? У меня лично — только координатора, который недоступен.

— Да, нам дали в оргкомитете. Они тоже недоступны. ВСЕ.

— Четвёртая версия. Сменив отель, они отправились ужинать и отравились некачественными продуктами, и были доставлены в инфекционную больницу. Телефоны у них забрали вместе с одеждой и документами. Вы уже обзванивали больницы?

— Занимаемся. И моргами тоже, простите. Отрабатываем также версию с ограблением делегатов, в частности, иностранцев — они обычно с деньгами. Только всё это напрасно, думаю. Об отравлении, ограблении или смерти полусотни людей мы бы давно уже знали. Это даже для Москвы круто.

— Знаете, в молодости я писал детективные романы и немного понимаю, как именно причины превращаются в следствия. С этой точки зрения все мои четыре версии не имеют особого значения. Ни предполагаемый банкет, ни экскурсия, ни переезд в другой отель, ни гипотетическое отравление не могли быть причиной происшедшего. Ход событий изменился именно здесь, в “Аквариуме”, когда делегаты зарегистрировались, но необъяснимым образом не зарегистрировались. Копать нужно здесь!

— Согласен. И вы пока наш единственный свидетель. Поэтому просьба к вам не уезжать до выяснения обстоятельств.

— Вот это здорово! За что же мне такое наказание?

— Почему — наказание? Вы же всё равно сюда приехали на три дня. За это время, думаю, разберёмся. Пятьдесят человек не иголка. А за вами будет присматривать наш сотрудник. Так, неназойливо, вы его и не увидите.

— Час от часу не легче! Это ещё зачем? Что же — если я не исчез, стало быть, я обвиняемый? Что у вас за практика такая?

— Вы не с той стороны смотрите на ситуацию. Надо так: все исчезли, а вы нет.

— И что?

— А то, что, если здесь имеется криминал, и вы лишь случайно не исчезли со всеми, то вы в опасности.

Я задумался. Хм, в самом деле...

— Хорошо, но через три дня — точнее, уже через два, — если, не дай Бог, ничего не выяснится, — я уеду. Чтобы задержать меня подольше, вам придётся предъявить мне обвинение.

— Ну, что вы. Я, думаю, до этого не дойдёт. Будем надеяться, что всё выяснится сегодня. Да, вот ещё просьба... При всей нашей озабоченности инцидентом, мы бы не хотели пока лишней огласки. А то мы поднимем гамтарарам на весь свет, а потом окажется, что причиной это странного события явилась какая-нибудь нелепость. Понимаете? Мы станем посмешищем, и вы, кстати, тоже. Воздержитесь, пожалуйста, сегодня от звонков или e-mail'ов в Москву по этому поводу. Даже жене.

— Ладно, — вяло согласился я.

На том и расстались. Я поднялся в свой номер и от нечего делать стал смотреть в окно. Отель отхватил у города немаленький кусок пляжа. Для него уже привезли три кучи мелкого белого песка. Высокий забор оцетинился у воды круглыми решётками с пиками, не дающими зайти со стороны моря. Для постояльцев отеля строился отдельный пирс и небольшой аквапарк. Подразумевалась и некая ландшафтная эстетика — японский сад камней на заднем дворе, с косой рощицей бамбука. “Если бы это всё было бесплатно, люди сказали бы: “О-о-о!” — а когда за деньги, то они говорят: “А-а-а...” —

подумалось мне. Я не испытывал никакого желания посетить японский сад и постоять на пирсе, хотя мог это сделать на законных основаниях. Я не пошёл бы кувыряться в аквапарке, будь он достроен. Всё это было дорогостоящей дешёвкой, исполненной скуки и тоски. В те редкие минуты жизни, когда тебе хочется развлекаться, нет наготове ни пляжа, ни аквапарка, ни сада камней, идёшь себе в кафешку какую-нибудь. Когда же не надо, тебя окружают омертвевшие развлечения, почему-то наводящие мысли о смерти. Я не представляю себя медитирующим в саде камней. Мне не о чем там медитировать. Если это метафора миропорядка, то дайте мне свидригайловскую баню с науками: может быть, в ней ещё удастся попариться.

Несмотря на впечатляющий метраж номера, было душновато. Однако, поискав глазами оконную ручку, я её не нашёл. И форточки тоже. Просто огромные глухие рамы до потолка. Так, первый конструктивный изъян “новодела”. Вместо свежего воздуха — “кондёр”, гоняющий воздух несвежий. Я постучал по стеклу. Звук тупой, как будто стучишь по броне, — это было что-то пуленепробиваемое. Что ж, придётся охлаждаться кондиционером.

Покопавшись в пульте, я прилёг на кровать размером с боксёрский ринг. Подремлю, пока не позвонят. Слишком много событий за один день. Точнее, пугающее отсутствие событий и людей. Я не любил всякой чертовщины и того, чего не понимаю. Не понимаешь, значит, понимает кто-то другой — и тебе в ущерб. Мой приезд сюда не был обязательным, и всё остальное тоже. Но теперь я почему-то должен отвечать за всех. Мораль: не занимайся не своим делом. Я не историк, а полез в историю, как и многие самонадеянные писатели. И вот итог: “Сегодня вечером на Патриарших прудах будет интересная история”. Жажда разгадывать тайны часто приводит нас, хотя мы и сами того не понимаем, к тому, что мы оказываемся внутри этой тайны. Так с Булгаковым всю жизнь и было. Характер описываемого мира он определил довольно рано — “дьяволиада”. Но отчего же он удивлялся, когда она вторгалась в его жизнь? Незаметно перейдя от яви ко сну, увидел я в нём Булгакова — с моноклем, как на знаменитом фото. Михаил Афанасьевич разлепил узкие губы и сказал: “Hktaonosi heloke soromš aslaš”, — и иронически покосился на меня, поблескивая стёклышком в глазу. Польщённый, я возразил: “Думаю, это надо говорить с другой интонацией, на манер: “Слава Украине! — Героям слава!” — ну, вы знаете. То есть: “Hktaonosi heloke!” — “Soromš aslaš!” — “Вот как?” — улыбнулся классик. — А может быть, если мы перешли на мову, то имеем дело с двумя сторонами одного умозаключения, вроде: “Гэрои нэ вмирають. Боягузы нэ живуть”? Хотя на самом-то деле и гэрои вмирають, и боягузы живуть. А версия “пароль — отзыв” вас не устраивает? — Пароль для чего? — Ну, для этого, “hktaonosi heloke”. Очевидная эта мысль поразила меня. “Вы имеете в виду пропуск в ад?” Булгаков внимательно посмотрел на меня и ответил: “Туда не надобно пропуска. Их требуют в другом месте. Однако нужен пароль, если хочешь попасть раньше времени”.

На этих словах его я проснулся. Господи, приснится же такое!

Я сел на кровати. Девушка из оргкомитета не звонила, значит, делегаты так и не нашлись. Поеду в местное управление культуры и науки, проводящее конференцию, решил я. Пусть они скажут, чем мне здесь заниматься. А то местные чекисты заставят меня искать вместе с ними совершенно не знакомых мне людей.

В лифте я столкнулся с парнем-вратарём, которого не признавали игроком. Обрадовавшись, я спросил у него:

— Вы меня помните? Мы вчера стояли рядом на ресепшене.

Парень как-то дёрнулся. Может, ему было неприятно, что я стал свидетелем его статусной дискриминации?

— Там ещё были учёные, целая толпа. Помните их?

Вратарь что-то буркнул, отводя глаза.

— Сегодня мне говорят, что они не регистрировались в отеле. Но ведь они регистрировались, не правда ли, вы видели?

— Ничего я не видел! — вдрут выпалил он.

— Как же так? — поразился я. — Невозможно не видеть — я ведь вас видел и запомнил. Неужели у вас, такого молодого человека, память слабее моей?

Парень покраснел и отвернулся.

— Слушайте, — выдавил он из себя, — не путайте меня в это дело, а?

— Да что за дело-то? И дела никакого нет. Просто...

— Не знаю. Приходил капитан и сказал не сообщать никому ничего про вчера. А то будут неприятности. Мне оно надо?

Лифт остановился, двери распахнулись. Вратарь-неигрок быстренько смывается. Я стоял в холле в задумчивости, неприятно поражённый. Хотя “неприятно” — не то слово. Капитан Ротов заставляет молчать свидетелей? Что это? Тут открылись двери соседнего лифта, и из него выскочил мужчина, бросивший на меня быстрый взгляд. Был он в таком же обтягивающем костюмчике не по размеру, как Ротов, только не так кривоног и без усов. Ага, это “присматривающий сотрудник”, которого я якобы не увижу. Они что, все в одинаковом “прикиде”, словно команда агента Смита из “Матрицы”?

Попросив на ресепшене вызвать мне такси, я вышел на улицу. В какой переплёт я попал? Неужели ФСБ на самом деле известно, что случилось с этрускологами, но они всеми силами пытаются это скрыть? Отсюда — “исчезновение” вчерашних портье, координатора, угрозы футболистам? Но что такое совершенно невообразимое могло случиться, чтобы маскировать пропажу пятидесяти человек? Я стал припоминать своих соседей по автобусу, помимо героического Кирова. Все они категорически не походили людей, с которыми “что-то случается”. Обычные благонамеренные научные клерки. Даже какой-то творческой сумасшедшинки я ни в ком не заметил. Другое дело писатели — вечно податые, склонные поскандалить. А эти? Может быть, они “слишком много знали”, как говорят в детективах? Но что, скажите на милость? Какой такой “инфой” могут владеть этрускологи? О чём? Как бы там ни было, ситуация диаметрально поменялась: из необходимого свидетеля я превращался в нежелательного. И ещё не известно, насколько нежелательного. Мне бы, по-хорошему, после разговора с запасным вратарём линять отсюда надо, напрямик в аэропорт, но тогда, если меня сцапают, я точно окажусь крайним. Бежал — значит, виноват.

Когда я подошёл к дверце прибывшего такси, сзади меня вдруг материализовался “смотрящий”.

— Вы не возьмёте меня? — тихо поинтересовался он, дотронувшись до моей спины.

Я даже рот разинул от удивления.

— Всё равно ведь цена будет одинаковая — что за одного, что за двоих, — примирительно сказал он.

Я начал кое-что понимать.

— Денег вам на такси, я вижу, не выделяют. О служебном автотранспорте уже не упоминаю.

Тот развёл руками.

— Ну, садитесь. Вас как зовут хоть?

— Зовите Григорием.

— Ну, а я Борис.

— Да я знаю.

— Ну, конечно, вам положено. Только учтите, всё время я вас на такси катать не буду. Не из вредности, а потому что мне-то на такси тоже денег не выделяли. И хоть оно здесь дешёво, не наездишься.

— На общественном транспорте будем ездить, — жизнерадостно сказал курносый Григорий.

“И снова за мой счёт?” — хотел спросить я, но сдержался. Нет, это не местные чекисты похитили учёных. Они не смогли бы арендовать для них отдельный автобус. Пришлось бы везти в тайное узилище в муниципальном. И заставить их купить билеты. Я с неудовольствием отметил, что, начав шутить сам с собой, никак не могу остановиться. Ничем, кроме полной растерянности, это нельзя было объяснить. До шуток ли тут? Один знакомый директор издательства начинал смеяться и почёсывать в паху, как только речь

заходила о самом для него чувствительном — о деньгах. Так и из меня бьёт фонтан сомнительного остроумия, как вспомню о пропавших этрускологах.

Управление науки и культуры (и почему-то спорта) находилось неподалёку от городской библиотеки, в сталинском Эрехтейоне, где роль кариатид, поддерживающих портик, выполняли побитые временем рабочие и крестьяне. Парадную лестницу покрывал вытертый ковёр. В сводчатом коридоре Григорий молча указал мне налево, а сам сел на банкетку. Никакого оживления в связи со случившимся ЧП здесь не наблюдалось, только пара чиновников устало брела вдоль стен с бумагами. В помпезной приёмной начальника было пусто. Я постучал в массивные двери кабинета с табличкой “Здолбунович Семён Брониславович”, заглянул. Спинай ко мне у противоположной стены стоял сутуловатый человек, изучавший то ли бронзовый бюст президента на подставке, то ли грамоты по соседству. Когда он обернулся, я его сразу узнал: этот очкастый, с залысинами, не глядящий в глаза мужчина был на моей так называемой пресс-конференции, правда, вопросов не задавал.

— А-а, — тихо, я бы даже сказал — шелестом — молвил он, — проходите.

Я уселся на указанный мне стул. Начальник же сел на своё место, за просторный рабочий стол, и посмотрел в сторону. Я невольно глянул туда же — это был погасший монитор компьютера.

Мы молчали. Он глядел на мёртвый экран, а я — на него. Так прошло несколько минут. Наконец, я откашлялся и произнёс:

— Есть какие-нибудь новости?

— Простите? — Здолбунович нехотя отвёл взгляд от монитора, но остановил его не на мне, а на телефонном аппарате.

— Ну, новости об этрускологах.

— Ах, да, — прошелестел он. — Знаете, на конференцию никто из них, кроме вас, не явился.

Он что, издевается?

— Но это новость десяти часов утра. Я её знал, ещё когда общался с прессой — в вашем присутствии, кстати. Что-нибудь выяснилось с тех пор?

— Да, — кивнул он, но не мне, а телефону.

Ну, наконец-то! Начальник, между тем, снова замолчал. Я хотел уже его спросить, почему из него нужно каждое слово вытягивать клещами, как он выдал свою “новость”:

— Оказалось, что в гостиницу “Аквариум” они так и не прибыли.

— И это вы говорите мне? Да ведь я туда приехал вместе с ними! И координатор ваш там был, которого теперь тоже ищут!

Здолбунович слегка наморщил лоб, подумал и сказал, кажется, с облегчением:

— Нет, не наш — он от университета. А откуда вы знаете, что приехали именно с этрускологами?

— С одним я познакомился ещё в самолёте. Все прочие подошли в аэропорту к табличке с надписью “Конференция этрускологов”, которую держал координатор Хачериди. Затем он произвёл переключку по списку. Отсутствующих, между прочим, не было. Как я понял, люди лишь до Москвы добирались разными самолётами и поездами, а оттуда все вылетели одним рейсом.

— А вы видели документы этих людей?

Чаша моего терпения переполнилась.

— Послушайте, я же не полицейский, чтобы требовать документы! И ещё: очень трудно разговаривать с человеком, который не смотрит на собеседника. Извините, я вам так неприятен?

Бесцветные щёки Здолбуновича порозовели. Он с видимым усилием перевёл глаза на меня, и я увидел, что он совершенно косой.

— Могу смотреть, если угодно, — пробормотал он. — Учтите только, что у меня сильный астигматизм.

— О, простите, не знал! Можете смотреть, как вам удобно. Так что же будем делать?

Снова воцарилось молчание. Я выругался про себя матом и грубо сказал: — Послушайте, Здолбунович, у вас проблемы. Срывается международная конференция, за которую вы отвечаете. Вас ведь не поглядят за это по головке. Может, пора проснуться?

Семен Брониславович собрал глаза в кучку — точнее, попытался, криво улыбнулся:

— Вообще-то непосредственно отвечает за конференцию наш университет. Мы лишь курировали это направление и обеспечили поступление средств из федерального бюджета на её проведение.

— А, знакомая тема — власть и ответственность! Ты сюда не ходи, уважаемый, ходи университет! Так, что ли? И вам всё равно, что федеральные средства могут улететь в трубу? Вы не забыли, что вы — руководитель оргкомитета конференции? Мне, например, приглашение пришло за вашей подписью. Другим, я полагаю, тоже.

— Не надо передёргивать, — голос Здолбуновича окреп. — Я лишь хотел сказать, что мы занимались общими вопросами, а не деталями организации, предоставив это университету, выдвинувшему идею конференции. Мы помогли изыскать отсутствующие у университета средства, но мы никак не предполагали, что нам придётся искать участников мероприятия. Да, я руководитель оргкомитета, но их всегда выбирают из числа тех, кто обладает большими возможностями в смысле полномочий и финансов. А конкретно вопросами проведения занимался ректор и обращался за помощью ко мне, когда требовалось. Скажем, пишет он мне, что актовзый зал университета не соответствует стандартам проведения международной конференции, и просит помочь найти другой зал. Я связываюсь с директором городской библиотеки, где у нас приличный конференц-зал, с возможностями синхронного перевода, и решаю проблему. И так во всём.

— Ну, наконец-то вы разговорились! Как только дело коснулось вас лично, отметим. Стало быть, главное действующее лицо у вас — ректор. А разве он был на несостоявшемся открытии конференции? Я что-то никого похожего не заметил.

Глаза Здолбуновича снова расфокусировались и стали грустными.

— Нет, он заболел.

— Ушам своим не верю! Глава администрации приехал, а ректор, пусть и больной, не приезжает хотя бы на открытие! Да бывает ли такое?

— Увы, бывает, если человек заболел серьёзно.

— Ну, дай Бог ему здоровья. Прошу понять меня правильно, но мне бросилась в глаза одна странность. Дело не только в ректоре. Формально вроде бы ни к чему не придерёшься, но на фоне произошедшего, не побоюсь сказать, сверхъестественного события все, в частности, в вашем учреждении, как-то удивительно пассивны и равнодушны. Я думал, у вас здесь, простите, народ на ушах стоит, а на самом деле — тишина и безлюдье, как будто период отпусков наступил.

Семен Брониславович поджал губы.

— Да что же нам на ушах стоять? — пожал плечами он. — Мы ведь в розыске не сильны и не должны им заниматься. На это есть специальные службы.

— Да-да, но всё же... Не скрою, когда я получил приглашение, то был приятно удивлён, что научная общественность именно вашего города проявляет такой интерес к этрускам. Стало быть, в зале следовало ожидать не только мэра, вас, ректора и прессу, но и местную интеллигенцию. Однако её не было. Похоже, в Южноморске вовсе нет повышенного внимания к теме. Даже в университете. Как вы объясните это противоречие?

— Ну, у нас же не Москва. Где нам взять столько интеллигенции? Пресса и есть наша интеллигенция, — многие, кстати, выпускники университета. Между прочим, директор библиотеки тоже была в зале во время вашего интервью.

— Это приятно. А другие работники библиотеки? А преподаватели и студенты универа? Историки, учителя, наконец? Нет, сколь бы ни было мало по сравнению с Москвой у вас интеллигенции, она могла забить до

отказа тот не очень большой зал. Однако почти никто пришёл, из чего я делаю простой вывод, что этруски для вашей элиты... ммм... не очень актуальны. Тогда я спрашиваю себя: почему именно Южнорморск взял на себя инициативу проведения форума?

— Как я говорил, она зародилась в университете...

— Это я уже понял. Я хочу понять, что для вашего города этруски. У вас жил и работал какой-то известный этрусколог?

— Простите, не имею сведений.

— Может быть, ваши археологи сотворили сенсацию и нашли здесь следы пребывания этрусков?

— Не доводилось слышать.

— Что же — вы лично фанат этой темы?

— Как вам сказать... — замялся Здолбунович.

— Так и скажите: не фанат. Что же тогда вас заставило поддержать идею конференции?

— Прежде всего, международная научная значимость темы...

— Но здесь у вас некогда жили народы, упоминаемые ещё Геродотом. Почему не они, а этруски?

— Вероятно, они не столь востребованы у историков. Научным обоснованием занимался университет...

— Между тем, сотрудниками вашего университета не написано ни одной работы об этрусках. Это я выяснил ещё до приезда сюда. В программе от вас — один доклад, заболевшего ректора. Наверное, он и есть ваш главный этрусколог. Тема доклада: “Этрусские цари в истории Древнего Рима”. Ну, в общем, это для средней школы. Нет ли других причин, побудивших город принять форум этрускологов?

— Я их не знаю.

— Тогда скажите мне как руководитель оргкомитета: чем я должен здесь заниматься, если мои коллеги, не дай Бог, так и не объявятся?

— Ну... всё же будем надеяться на лучшее.

— Сколько лично мне надеяться на лучшее? Те два дня, что я ещё должен находиться на конференции?

— Думаю, не меньше. Ведь к вам ещё могут быть вопросы у правоохранительных органов...

— Я уже ответил на них сегодня. Других ответов у меня нет. — Я поколебался, стоит ли рассказывать Здолбуновичу о Ротове и его странных угрозах футболистам, и решил, что не стоит — уж больно неосновательной фигурой оказался начальник управления. — Хорошо, и что же я делаю эти два дня — просто жду?

— Да, как и все мы. Что же касается корректив в вашей научной программе, то, наверное, вам об этом скажут в университете.

— Как-то сомневаюсь. Я сегодня никого ещё не видел оттуда. Телефончик ваш мобильный мне можно для связи?

— Да, пожалуйста, вот, возьмите визитку.

Когда мы прощались, Здолбунович вдруг свистящим шёпотом сообщил мне на ухо, кося уже не просто сильно, а страшно:

— Я тоже не понимаю, что происходит. Все разбежались. Включая мою секретаршу.

— А при чём здесь...

Он приложил палец к губам.

Я вышел от него, как пьяный. Что за чертовщина здесь творится? Неведомым образом исчезли учёные — это не то, чтобы понятно, но, на крайний случай, логически возможно, если не считать истории с заселением. Но по какой причине могли разбежаться сотрудники Здолбуновича? Он бы и сам, судя по его поведению, не прочь сбежать. Один я, как дурак, продолжаю из себя изображать делегата.

Григория в коридоре не было. Тоже сбежал, что ли? Ну, и хрен с ним — сомнительная он охрана. Да и охрана ли? Но мне-то куда теперь идти? Если следовать общей, хотя и непонятной тенденции, моя первая реакция после разговора с вратарём была правильной: вернуться в номер, взять в вещи

и — ноги в руки, в аэропорт. А уж задержат там меня, не задержат... Если задержат, то, по крайней мере, появится цель — освободиться, выбраться отсюда. Какова же сейчас моя цель в становящейся всё более кафкианской ситуации, непонятно. Я завис в каком-то пустом, но цепком, студенистом пространстве. Мне нужно вновь ощутить почву под ногами. Не отправиться ли прямо сейчас в аэропорт, воспользовавшись отсутствием Григория? Вещи? Бог с ними, с вещами. Когда ты видишь, что твоя жизнь превращается в дурдом, надо немедленно покинуть этот дурдом. Даже без вещей.

Но, размышляя так, я стоял на улице без движения. Рождение нового чувства я ощутил в себе: его ещё называют словом “ретивое”: “взыграло ретивое”. Да, мы все живём именно так — бежим при первом намёке на опасность. Полчеловечества бегают от страха, даже те, кто не двигается с места. Бегут не только физически, но и мысленно, приказывая себе “не встречать”. Да разве нормальному, не заражённому вирусом общественной трусости человеку не интересно разобраться, как растворились в воздухе полсотни людей? Та трусость, что подсказывает мне “правильные решения”, сродни слепоте к мистической стороне жизни. Непонятно — значит, надо бежать. Мы, писатели, любим только выдумывать непонятные вещи. Но в жизни бежим от них, как зайцы, при первой возможности. Чувство самосохранения развито в нас сильнее, чем ощущение присутствия Бога. А ведь всё необъяснимое — как раз свидетельства Божьего бытия, ибо понятное потому и понятно, что объяснимо. Не жалок ли я, человек с поседевшими висками, стоящий посреди улицы и думающий, как бы смыться подальше от тайны? Как будто, если краешек её мне был явлен в чужом городе, она меня не настигнет в своём! А если и нет никакой тайны, а просто фантастическое стечение обстоятельств, то как потом избежать позора? Кто-то ведь обязательно спросит: “И что было дальше, после того как ты узнал, что исчезло пятьдесят человек? — Я уехал. — Как, почему? — Ну, там было всё как-то странно, абсурдно... — И ты не попытался ничего выяснить? — Старик, оно мне надо? — А-а-а...” Вот она — тень позора, в этом коротеньком “а-а-а...” Мне её не избежать и в том случае, если этрускологи столь же необъяснимо вернуться, как и пропали. “А где господин Лосев? — А он в тот же день уехал. — Как — в тот же день? Отчего же не попытался найти нас, ведь он же видел нас в автобусе и гостинице?” — и так далее. Да, меня будет тайне презирать те, кто и сам бы немедленно сбежал, но разве ничтожеству легче от мысли, что остальные — тоже ничтожества? Ничуть не бывало, здесь лишь жалкое самооправдание и ничего больше. Ощущение “мы ничтожества” на самом деле ничем не лучше ощущения “я ничтожество”.

Итак, остаюсь. Но просто ждать чуда или, напротив, какой-то страшной развязки я тоже не могу. Нужно что-то делать. В разговоре со Здолбуновичем я почувствовал, что исчезновение делегатов как-то (хотя и совершенно не ясно, как) связано с самой идеей конференции, никому в Южноморске, по-видимому, не нужной. Идея же зародилась в университете. Что ж, пойду туда.

Вдруг кто-то подёргал меня за рукав, я обернулся и увидел большеглазую, конопатую девочку с костром рыжих волос на голове.

— Дядя, — сказала она, — а у вас на спине такая ба-альшая божья коровка сидит!

— Да? — рассеянно спросил я. — А где?

— Да вот здесь, слева.

Я оглянулся налево, насколько смог, но ничего на коричневой поверхности пиджака не узрел.

— Да вот же, здесь, ниже! Хотите, я её сниму?

— Ну, сними, спустим её на небко: там, как известно, её детки кушают конфетки.

— А у нас говорят: котлетки! Ой, что-то не снимается! Как будто зацепилась! Ага, вот.

Она держала в пальцах божью коровку, поблескивающую алыми, отлакированными бочками, и вертела из стороны в сторону.

— Какая-то странная... Тяжёлая и вроде неживая.

— Тяжёлая? Ну-ка, дай посмотреть.

Я осторожно взял у неё из рук насекомое: оно и впрямь не проявляло признаков жизни и вообще казалось железным. Я постучал ногтем по крылышку божьей коровки. Точно, из железа! Я перевернул её на спинку и увидел, как внутри неё, в переплетении сложенных на животе лапок мигает что-то оранжевое. Это же “жучок” — причём в прямом смысле слова! И в переносном тоже. Григорий, гад, мне его прицепил — видимо, когда дотронулся до моей спины у такси. “Вы не возьмёте меня?” Сирота казанская с “прослушкой”! Вот и делай добро таким людям! Я зажал “жучка” в кулаке и тихо сказал девочке:

— Это не настоящая божья коровка, а значок — дорогой, наверное. Я не знаю, как он попал ко мне, но, думаю, тебе будет нужнее. Давай-ка, я нацеплю его тебе. Видишь, он как на липучке. Покажешь подружкам.

— Ой, спасибо!

— Если придёт какой-нибудь дядя и скажет, что это его значок, отдай, но скажи, чтобы больше не терял.

— Ладно, — неохотно согласилась она.

* * *

Для начала я отправился в приёмную ректора, чтобы узнать, кто, кроме него самого, был ответственным за проведение конференции.

Эффектная молодая секретарша с губами в лиловой помаде была мрачнее тучи.

— Павел Трофимович болен, — всё твердила она.

— Да, слышал, здоровья ему, но не могу ли я с ним поговорить хотя бы по телефону? Я ведь не для того приехал из Москвы — по вашему приглашению, кстати, — чтобы торчать здесь в неведении.

— Да не может он поговорить с вами! — Она отвернулась. — У него инсульт.

— Вот как... — Я уже ничему не удивлялся, но снова неприятно засосало под ложечкой. — Гхм... Очень надеюсь, что он поправится. Извините, но с кем же мне тогда контактировать? Кто, кроме ректора, занимался практической работой по конференции?

— Кафедра истории и археологии.

— Ага. Свяжите меня, пожалуйста, с заведующим.

— Павел Трофимович сам возглавлял эту кафедру.

Да что ж это такое! Специально, что ли, в этом Южноморске всё устроено так, что концов не найдёшь?

— Понятно... Но не он же выполнял всю черновую работу.

— Лаборант кафедры Райская находится в библиотеке, ей поручена регистрация.

— Ну, её я видел. Я имею в виду, кто из научных сотрудников кафедры осуществлял практическую работу?

— Доцент Хачериди, координатор. Но его не могут найти.

— Даже странно, — невольно съязвил я. — И всё? Больше никто не был задействован?

Секретарша наморщила лоб.

— Наверное, доцент Колобакин. Да, конечно, Колобакин. Поговорите с ним.

— А где его найти?

— Сейчас посмотрю расписание лекций. Он в двести восьмой аудитории, лекция как раз заканчивается.

— Очень надеюсь, что он пришёл на лекцию.

Она ничего не сказала и скривила лиловые губы.

Я пошёл в указанном ею направлении по затейливому лабиринту старого господского дома, в котором размещался административный корпус университета. Лесенка вверх, через десять метров — снова вниз, поворот налево,

направо... Пахнет какой-то сладковатой плесенью, как обычно в старых домах, и немного канализацией. Окна в конце коридора давно не мыты, рамы гнилые. Так, теперь вниз по лестнице во внутренний двор, пересечь его, найти строение четыре. Наверное, это вон тот двухэтажный флигель с осыпающейся штукатуркой. В стороне от входа стояла кучка студентов с выстриженными затылками и длинными чубами до носа, на запорожский лад. Они преувеличенно вежливо со мной поздоровались, держа почему-то руки за спиной. Курят, что ли, в неподобающем месте? Однако, проходя мимо, я уловил запах не табачного дыма, а какой-то анаши или марихуаны — в тонкостях не разбираюсь. Значит, борьба с “лёгкими” наркотиками здесь не ведётся. Может быть, с “тяжёлыми” тоже.

Без труда найдя на втором этаже 208-ю аудиторию, я остановился перед не притворённой дверью. Доносился голос лектора — стало быть, Колубакин на месте. Это обнадеживало. Я прислушался.

— ...так говорит нам официальная хронология. Но кто считал эти тысячелетия до новой эры? Летописцы? Писатели? Астролог Скалигер? Например, благодаря Гомеру мы знаем о Троянской войне. Но в это же время, по традиционной хронологии, некие “народы моря” сокрушили могущественную Хеттскую империю, причём до сих пор не известно, до или после падения Трои. Вот это, надо полагать, была война так война! Не вялая десятилетняя осада Трои, столицы маленького государства! Но почему же мы так хорошо знаем о ней и почти ничего — о катастрофе хеттской цивилизации? А хетты и троянцы, на минуточку, были соседями! И гомеровские ахейцы входили в число загадочных “народов моря”, по мнению историков. Только у Хеттской войны не нашлось своего Гомера. Он распиарил одну войну, а что же другая, куда более существенная? Мы судим о ключевых событиях в древней истории по тем источникам, что до нас дошли. Но означает ли это, что других событий не было и что они были не столь важны? Нет, конечно. Другой вопрос: если рейтинг значимости исторических событий столь выборочен, не выборочна ли и официальная хронология? Точно ли Троянская и Хеттская войны произошли в одно и то же столетие? Или даже в одно тысячелетие? И было ли их так много, этих тысячелетий, как нам внушила традиционная историография и пресловутый радиоуглеродный анализ, в достоверности которого давно уже сомневаются?..

Эге, да он фоменковец! “Новую хронологию” пропагандирует, причём в государственном вузе! Однако, когда лекция закончилась и студенты повалили из аудитории, я увидел в ушах многих из них наушники, так что едва ли пропаганда была эффективной. Вслед за студентами появился и сам Колубакин. Этого мужчину лет тридцати пяти с круглыми розовыми щеками и рыжеватой бородкой-эспаньолкой я уже видел в холле городской библиотеки: он сидел в сторонке на банкетке с отсутствующим видом, подпирая стену. Не припомню, правда, присутствовал ли он потом в зале, где меня интервьюировали.

— Невольно услышал финал вашей лекции, — сказал я, поздоровавшись с ним. — А почему бы не завершить вашу мысль в полном соответствии с “новой хронологией”: что Троянская и Хеттская войны на самом деле — одно и то же событие и произошло оно во времена Александра Македонского? А Агамемнон и Александр Македонский — один и тот же человек?

— Это не столь уж и абсурдно, как может показаться, — нимало не смутившись, отвечал он. — Я полагаю, что “народы моря” сокрушили хеттов после того, как получили ключ к Дарданеллам, а не наоборот, то есть не до падения Трои, а после. Так что это был единый процесс, только растянувшийся во времени. Насчёт Агамемнона и Александра Македонского интересно, надо запомнить. А вам никогда не казалось, что Александр Македонский столь же мифологичен, как, скажем, Геракл? Уж больно он много подвигов на совершал, в его-то возрасте.

— Вы знаете, я в детстве вообще не верил в так называемые судьбоносные исторические события. В моём дворе ничего похожего не наблюдалось, а взрослые с авоськами категорически не напоминали людей, способных совершать подвиги.

— Вы, вероятно, намекаете, что подобные мысли могли зародиться только в таком глухом провинциальном дворе, как Южноморск, — ухмыльнулся он.

— Провинциальность — не всегда территориальный признак. Мысли о том, что никакой истории на самом деле не существовало, приходят в голову многим людям и в Москве, и в Питере. Но я хотел бы поговорить не об этом. Я так понял, что после исчезновения Хачериди и внезапной болезни ректора именно вы — то лицо, что отвечает в университете за конференцию.

— Хм, — несколько покривился Колобакин, — вообще-то никто меня пока на это не уполномочивал.

— А сами вы не напрашиваетесь. Понятно. Но всё же, кроме вас, никто на мои вопросы не ответит.

— Пожалуйста, но, наверное, лучше у нас на кафедре. Она вон там, в конце коридора.

Прошли на кафедру. Она представляла собой пеналообразную комнату, всю уставленную по периметру глухими шкафами и поцарапанными столами. На них пылились здоровенные компьютерные мониторы эпохи 1990-х — как некие утёсы, о которые разбивались волны пожелтевших методичек и прочего бумажного хлама. Здесь не пахло ни историей, ни археологией, лишь прошлогдний настенный календарь с фото столпов у Дворца дождей в Венеции напоминал о них.

Колобакин очистил стул от каких-то расписаний и приказов и предложил мне сесть. Сам он пристроился на краешке соседнего стола, развязно покачивая ногой.

— Косячок марихуаны, коллега? — вдруг предложил он.

— Благодарствуйте, не употребляю, — ответил я, ошарашенный.

— А я думал, в Москве все теперь продвинутые.

— В каком смысле — продвинутые? Наркоманы, что ли?

Доцент поморщился.

— Бросьте. Весь Амстердам, говорят, пропах марихуаной, так что же — там все наркоманы? Передовая общественность нашего города ведёт борьбу за легализацию марихуаны как психотонизирующего средства.

— А, скажем, кокаина?

Колобакин погрозил пальцем:

— Вы, я вижу, шутник. По кокаину вопрос остаётся открытым.

— Это обнадёживает. Но неужели вы прямо здесь хотели забить косячок?

— Ну да. Не во двор же идти к студентам? В туалет мне вас приглашать неудобно. А что до запаха, то потом проветрили бы.

— А если бы кто-нибудь зашёл?

— Никто сегодня уже не зайдёт. Только уборщица часа через два. Однако закроем тему: вы, кажется, ещё находитесь в плену у предрассудков. Я, на всякий случай, ничего вам не предлагал и буду это отрицать, если вы захотите...

— Оставьте, у меня другие проблемы. Скажите мне, почему этруски стали темой конференции?

— Это надо у ректора и Хачериди спросить. Нам, татарам, всё равно — этруски или не этруски. Видимо, на этрусков был спрос: вот и финансирование под них удалось выбить. Из Москвы, заметьте! Иностранцев выписали, дорогу оплатили!

— А лично вас этруски, как я понял, не интересуют?

— Не то чтобы не интересуют... Видите ли, я не верю в их существование.

— Ого! Что ж, по-вашему, их не было?

— Почему не было? Просто это те же римляне.

— Вот как? А отчего же этруски имели другой язык и письменность?

— Я не уверен, что другой. Мало, что ли, народов, использовавших два вида письменности? Скажем, хорваты ещё в начале двадцатого века писали и латиницей, и глаголицей.

— С помощью глаголицы, однако, можно читать по-сербскохорватски. А этрусскими буквами по-латыни — нет.

— Ну, это если воспринимать этрусский алфавит как буквенно-звуковой. А если он слоговой — по типу иероглифического? Все мучаются, расшифровывают... А может, надо посредством латыни кодифицировать эту слоговую азбуку?

— Вы пробовали?

— Я не знаю латыни. Но считаю весьма возможным, что римляне сначала писали слоговым письмом, а потом буквенным, как и древние греки в своё время.

— Не могу спорить, поскольку тоже не знаю латыни. Но небезызвестный Гриневиц, который читает этрусские надписи с помощью праславянского слогового письма, наверное, поспорил бы.

— Гриневиц — шарлатан.

— Может быть. Только у него есть переводы с этрусского, пусть порой и диковатые, а у нешарлатанов их нет. Латыни не знают или чего-то ещё...

— Намёк понял. Но мне это, честно говоря, по барабану. Не вижу ничего хорошего, если этруски действительно существовали. Какая-то тоска от них, безысходность... Заражаешься... Может, неслучайно название Тоскана — этрусского корня? А у нас в городе, знаете, и без всякой “тосканы” невесело.

— Я заметил. Однако вернёмся к конференции. Как формировался список приглашённых? Из чего вы исходили, выбирая того или другого?

— Я-то ни из чего не исходил. Выбирали ректор и Хачериди. Но вас, между прочим, нашёл именно я. Павел Трофимович поручил мне выловить из Сети имена всех, кто пишет об этрусках. Интернет выдал мне и вас как автора главы об этрусках из книги о праславянах. Ректор вашу кандидатуру утвердил. Вот и всё.

— А были и такие, которых он не утвердил?

— Были, конечно.

— И кто, если не секрет?

— Ну... Гриневиц этот ваш. Фоменко, Носовский.

— А, они ведь теперь этрускологи! Ну, вы, наверное, их сами предложили, без всяких поисков в интернете?

— В общем, да. Но я их не лоббировал, как не лоббировал и вас. Я всех, кого надыбал, включил в алфавитном порядке в один аннотированный список, а ректор с Хачериди над ним колдовали. Кого-то вычёркивали, кого-то добавляли от себя. По какому принципу, не знаю. Отсекали так называемые крайности, наверное.

— Значит, душою идеи были ректор и Хачериди. Они действительно интересовались этрусками?

— Хачериди интересовался тем, чем интересовался ректор. А вот Павел Трофимович интересовался этрусками сам по себе. Кажется, кое-что понимал в них. Но проект его доклада всё равно писал я.

Я покачал головой:

— Странная картина: выясняется, что никому, кроме вашего ректора, этруски не были нужны. Конференцию, как я понял, задумали исключительно из соображений престижа. Затем, словно в назидание, все исчезли. Остался лишь я, вовсе не этрусколог, а так, историк-любитель. Может, оттого и остался. Что же мне теперь прикажете делать в вашем Южноморске?

— Не знаю, спросите у проректора, который замещает Павла Трофимовича.

— А он имеет отношение к конференции?

— Совершенно никакого.

— Ну, тогда он пошлёт меня снова к вам, как это сделала секретарша. Вы же один теперь представляете кафедру-организатора.

— Ну, у нас есть ещё преподаватели...

— Все преподаватели мне не нужны, нужен старший. Ведь старший сейчас получаете вы?

— Как-то так, вроде того. — Это признание далось Колобакину неохотно.

— Тогда я в вашем распоряжении до официальной даты закрытия конференции. Мне, знаете, тяжело всё время быть в неведении. Хочу ощущать

чьё-то руководство, пока я здесь. Вот мой телефон, направляйте мои действия, если нужно.

— Нашли руководителя! Я корабль в пустоте! Как в песне из фильма “Ботинки мертвеца”: “Я не могу быть в ответе за происходящее, потому что я не более, чем корабль в пустоте”.

Это вырвалось у него вполне искренне. А ведь я и сам ощутил нечто подобное, когда вышел от Здолбуновича. Корабль в пустоте... Довольно точно.

— Уезжайте отсюда немедленно, — шепнул доцент. — Я бы сам уехал, только некуда. Этруски эти притягивают несчастья. Хачериди исчез, ректора разбил инсульт... О делегатах я уже не говорю. Чья теперь очередь, подумайте?

Я сразу вспомнил слова косоного Здолбуновича, что все разбежались, включая его секретаршу. Может, на них внезапно, как ветер, налетела та же паника — необъяснимая, тёмная, неподвластная разуму? Мистическое начало не сильно развито в чиновниках, а вот инстинкт самосохранения — как у пресловутых крыс, первыми бегущих с тонущего корабля. А может... нечто подобное случилось вчера и с этрускологами? И они все побежали сломя голову, сами не зная куда?

— Что у вас тут происходит? — наконец, спросил я. — Нечто похожее уже случилось?

— Случалось, — серьёзно ответил Колобакин. — Я исчез, а сюда вернулся кто-то другой. С вами такого не бывало?

— Это метафора?

— Конечно. Ведь метафора переводится с греческого как “перенос”. Перенос души с одного места на другое. Моя душа сейчас где-то в другом месте. А ваша?

Я поднялся.

— Что ж, спасибо за интересную беседу. Узнал я, правда, немного, да видно, на большее у вас рассчитывать нельзя.

— Это город метафор, сэр. Или метаморфоз — как кому больше нравится. Познать их невозможно — можно лишь принять или не принять. Советую не принимать. А то, знаете, так перенесёшься, что потом костей не соберёшь.

Я не знал, что на это сказать. На том и расстались.

* * *

Я постоял под университетским портиком с колоннами, потом бесцельно побрёл по городу. Вчера я уже был в этих местах, когда шёл с раскопок древнего городища. Я прочитал о нём в интернете ещё дома и решил начать осмотр города именно отсюда, чтобы успеть до закрытия экспозиции. Раскопали несколько улочек с фундаментами домов и часть оборонительной стены. Кладка была грубоватой по сравнению, скажем, с херсонесской. Найденные черепки кувшинов и мисок тоже. Одни предполагали, что городище относится к Боспорскому царству, другие (преимущественно последователи Гумилёва-младшего) — к Хазарскому каганату, хотя ни городов, ни даже городищ хазар до сего времени обнаружить не удалось, — может быть, их и вовсе не существовало. А всякие эти баснословные Саркелы и Белые Вежи представляли собой стойбища грабителей, или, по-нынешнему, таможенные терминалы.

Развалины находились неподалёку от центра Южноморска, на берегу бухты. Люди всегда селились в одних и тех же местах — не одни, так другие. Скажем, город лестригонов Ламоса у Гомера — прообраз современной Балаклавы. Наверняка Боспорское царство, если его шупальца дотянулись до будущего Южноморска, исходило, закладывая здесь крепость, примерно из тех же соображений, что впоследствии и русские князья и цари, обосновавшиеся здесь же. Не исключено даже, что использовались те же строительные материалы. Меня позабавила жалоба экскурсовода на то, что местные по ночам растаскивают древние каменюки для строительства своих дач. Варварство, конечно, да ведь предшественники нынешних горожан делали

то же самое — и в античные времена, и в Средневековье, и в новое время. И не только они. Рачительные римляне обдирали мрамор с дворцов и храмов в захваченных странах, потом варвары сбивали тот же мрамор уже с римских построек, а то, что недоделали варвары, подчистил Ватикан для своих немаленьких нужд. Круговорот камня в истории. Находчивые дачники из местных всего лишь его часть.

С территорией раскопок соседствовал городской рынок. Он был удивительно похож на городище планировкой тесных, неотличимых одна от другой улочек-рядов (милетский архетип — прямоугольная решётка, вписанная в овал). Один муравейник умер, да здравствует другой! История историей, а на рынке испокон веку всё подчиняется одному желанию: выжить, добыть кусок хлеба на грядущий день. Как это по-человечески понятно, но как душно, уныло, неприкаянно в этой галдящей тесноте на фоне весёлого и вольного блеска моря внизу!

Жизнь неотделима от рынка, но является ли рынок законом жизни? Разве спас он хотя бы одну гибнущую цивилизацию? Цивилизации умирали, рынок оставался. Он живуч, спору нет, но мы почему-то до сих пор изучаем историю государств и народов, а не рынков. Когда империя слабеет, рынок не поддерживает её — он её убивает. Сюда, в торжище, уходят и здесь перемальваются в костную муку творческие силы, вера, талант, изобретательность, воля народа. Уже и рынок окружен кольцом огня, а люди продолжают тупо думать о том, что можно купить и продать там, внутри. Это ли свобода, о которой нам талдычили обслуживающие лавочников мыслители? Отчего же художники веками воспринимали рынок как бессмысленную и враждебную стихию?

*Сегодня снова я пойду
Туда, на жизнь, на торг, на рынок,
И войско песен поведу
С прибоем рынка в поединок!*

Сколько таких певцов накрыл этот прибор! Что там полсотни этрускологов... Я один в чужом загадочном городе и вроде бы ещё не исчез, но как бы уже не живу, потому что жизнь в этом Южноморске течёт мимо меня параллельным курсом, никак со мной не пересекаясь. Корабль в пустоте, как сказал фигуляр Колобакин.

Впереди показался плечистый кафедральный собор под круглым византийским куполом. Я в него заходил вчера. В небесах раскатисто ударил колокол. Ко всеобщей, что ли, звонят? Ну да, 16.45. А не поговорить ли мне с кем-нибудь из священников о мистических странностях этого места? Может, тогда проявится хоть что-то?

Я пошёл к боковым вратам храма, через которые обычно проходят в алтарь священники, и стал ждать. Вскоре, действительно, появился круглолицый батюшка в сером подряснике.

— Христос Воскресе! — приветствовал я его (недавно отпраздновали Пасху). — Здравствуйте, благословите! Не уделите ли приезжему человеку минуту?

— Воистину Воскресе! Бог благословит! Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа! Но только минуту: скоро служба начинается, а я ещё не облачился.

— Я Борис Лосев, писатель, приехал сюда на конференцию этрускологов.

— На конференцию кого, простите?

— Ну, тех, кто занимается этрусками.

— А, это народ из Италии, который ушёл в небытие некрещёным. Да-да, припоминаю, слышал что-то об этой конференции. Отец Константин, очень приятно.

— Я всего сутки в вашем городе, но мне хватило, чтобы почувствовать какую-то странную духовную атмосферу. Вы больше, нежели другие, имеете отношение к вещам... так скажем, сверхъестественным...

Он улыбнулся:

— Можно сказать и так.

— Общаясь с прихожанами, не слышали ли вы от них о чём-то избыточно сверхъестественном?

Отец Константин посмотрел на меня внимательными серыми глазами.

— Это как?

— Люди у вас не пропадают внезапно? — спросил я прямо.

Он пожал плечами:

— Люди везде пропадают. А Южноморск — город только с виду тихий. Здесь, как положено на юге, есть свои мафии, которые чем только не занимаются — наркотиками, водкой, торговлей женским телом... И мужским, кстати, тоже. А в притонах всегда кто-то исчезает, не правда ли? Так что ничего сверхъестественного.

— А если исчезли не в притоне, а бесследно из холла гостиницы?

— Мистическим образом, вы хотите сказать?

— Да.

— Что ж, и такое бывает. Рядом с миром зримым всегда живёт мир незримый, только большинство не верит в его существование. А он есть, и кто-то всё время переходит из одного мира в другой.

— Из бытия в небытие? Или из бытия в некое иное бытие?

— Кабы знать, как! Может быть, это одно и то же. Нам сие неведомо. Вот Андрей Белый писал о своей подруге, известной оккультистке Минцловой: она однажды поведала ему, что некие “они”, её неведомые мистические руководители, удаляют её от людей и общений. Дескать, скоро она исчезнет навсегда и просит друзей молчать об этом. И что же вы думаете? Она действительно в тысяча девятьсот десятом году исчезла, и никто *до сих пор* не знает, куда. А поскольку предупреждённые ею оккультисты в полицию не пошли, то Минцова как бы растворилась. Была и нету.

Мне припомнилось белое, опухшее, как у покойницы, лицо этой Минцловой с фотографии. Снова противно заняло в животе. Одновременно отметил: а батюшка-то эрудированный, Белого читал!

— Да-а... Но эта Минцова хотя бы предупредила о своём исчезновении. И она была одна. Мой случай хуже: вчера пропали одновременно пятьдесят человек, с которыми я ехал в гостиницу, а потом мне говорят, что их там не было. А я с ними стоял у стойки. Каково?

Батюшка поднял брови, глянул на меня уже настороженно, помял ладонью жидкую русую бородку.

— Что тут сказать?.. А вы, как бы это деликатно выразиться, не...

— Именно “не”, — перебил я его, поняв, куда он клонит. — Не пью, во всяком случае, много, не употребляю наркотиков, на учёте у психиатра не состою. Полсотни этрускологов, которых я видел, как вижу вас, как сквозь землю провалились, это факт!

— Да, о таком мне слышать ещё не доводилось... Пятьдесят человек... Помнится, говорили о пропаже какой-то секты в джунглях, но это дело давнее и нездешнее. Но, может быть, они ещё найдутся, и причина их исчезновения какая-то простая и вовсе не мистическая?

— Все так говорят, и я сам на это надеялся. Но уже сутки, как они не объявляются. Значит, простых объяснений не будет. А потом... странно не только их исчезновение, но и то, как к нему относятся местные — ФСБ, МВД, власти, университет...

— А как?

— Ну, примерно так же, как друзья Минцловой. Словно что-то знают, но не хотят говорить. Надо подождать, твердят они в один голос, а из управления науки и культуры все уже разбежались, включая секретаршу начальника. Почему? И почему вслед за учёными исчезли свидетели их пребывания в гостинице — уже три человека, а ректора университета, задумавшего конференцию, разбил инсульт?

Отец Константин задумался.

— Да, признаться, и мне уже как-то не по себе... И, честно говоря, всегда было не по себе в этом Южноморске — я ведь тоже не местный. Вы правы: какая-то чертовщина тут ощущается, хотя, конечно, столько людей за

раз никогда не пропадало. Но вот вопрос, естественно возникающий после улыбки: а почему, извините, вы не исчезли вслед за другими?

Я развёл руками:

— Не знаю, что и сказать. Человек из ФСБ меня уже спрашивал об этом. Первое, что приходит в голову: потому что я не этрусколог.

— А кто вы? Ах, да, вы говорили — писатель... Что же вы делаете на этой конференции?

— Я написал историческую книгу с главой об этрусках — вот и пригласили.

— Стало быть, если причины происшедшего мистические, кому-то нужно было, чтобы остался именно писатель.

— Об этом я как-то не подумал...

Колокол, всю нашу беседу бивший у нас над головой с равными промежутками, умолк.

— Простите, мне пора, — поклонился отец Константин. — Одно я знаю точно по поводу рассказанного вами: надо бы вам, не откладывая, исповедаться и причаститься. Вы крещёный?

— Крещёный.

— Где-то у меня была карточка с телефоном... вот... Звоните, как надумаете. И вообще держите меня в курсе.

За церковной оградой я вдруг снова увидел Григория, покуривающего с праздным якобы видом. Где он шатался? Или незаметно ходил за мной от ведомства Здолбуновича? Я направился прямо к нему, отчего он занервничал и стал усиленно мне подмигивать. Конспирация, что ли? А как на такси за мой счёт кататься? Не дойдя до него метра (а то снова прицепит что-нибудь), я тихо сказал:

— Прекратите моргать, а то подумают, что у вас нервный тик. Есть новости?

Он слегка покачал головой.

Я повернулся и пошёл прочь, не заботясь о том, следует за мной Григорий или нет. Как сказано в фильме “Бриллиантовая рука”: “Вам поручена эта операция, так что действуйте”. Вот пусть он и действует, как ему поручено. Он, наверное, на обед ходил, пока я таскался по университету. Понадеялся на “божью коровку”. Что ж, надо же и секретным сотрудникам обедать. Всё равно, случись что, этот ненадёжный секьюрити меня не спасёт. Я уже устал от безрадостных впечатлений сегодняшнего дня и высматривал такси. Проходя мимо университета, я услышал за спиной негромкий женский голос:

— Не оглядывайтесь. За вами следят. Я сейчас вас обгоню, а вы идите за мной.

Голос был знакомым. Я не стал оглядываться, но, максимально скосив глаза налево, увидел каштановые локоны, лиловые губы, кончик напудренного носика и загнутые вверх кончики длинных ресниц — накладных, наверное. Понятно, секретарша ректора. Она вихляющей походкой манекенщицы — от бедра — обогнала меня, покачивая амфорами ягодиц, обтянутых лиловой юбкой. Её туфли на шпильке тоже были лиловыми. Вспомнились слова недавно слышанной дурацкой песенки: “Цвет настроения синий, внутри мартини, а в руках бикини”, — которые я никак не мог понять, потому что мартини, по моему разумению, должно быть в руках этой девушки, а бикини — на её теле. Чего она — голая, что ли, сидит, нахлобачившись мартини? Сгорбленная девушка с синими титьками, Пикассо отдыхает. А у этой, стало быть — цвет настроения лиловый? Чего ей надо? То из неё слова не вытянешь, то... Пугать будет, как остальные?

Она, между тем, зашла в магазинчик с вывеской “Минимаркет”. Помедлив, я двинулся за ней. Сейчас кушим мартини и будем пить его в “Аквариуме” без бикини. Тьфу, привязалось! И всегда так со мной, когда нервничаю. Лилу́ (как я уже про себя её назвал) свернула между стеллажей налево, я за ней, и через несколько шагов мы оказались у кассы, за которой был выход на другую сторону здания. А, вот в чём дело: это, как в детективах: чтобы уйти от слежки, нужен дом со сквозным проходом.

Когда мы оказались на параллельной улочке, она указала мне длинным пальцем с лиловым ноготком на припаркованный к обочине жёлто-чёрный автомобильчик “Смарт”. Пропищал электронный ключ, мы уселись. Внутри эта двухместная каретка оказалась довольно просторной. Как водится при посадке в автомобиль, юбка Лилу задралась, оголив гладкие с исподу ляжки, и я невольно уставился на них. Она одёрнула подол, глянула на меня исподлобья. В общем, ничего, с удлинённым лицом и высокими скулами, ещё бы не так сильно была намазана... Хотя им, секретаршам, иначе как?

— А почему машина не лиловая? — спросил я.

— Что?

— Ну, на вас всё лиловое, а что же машина?

— Лиловых не было, — отрезала она и потянулась к зажиганию.

Я посмотрел в боковое зеркало: Григорий не появлялся, ждёт, наверное, служивый, у противоположного входа.

Автомобильчик тронулся.

— А как вы узнали, что за мной следят? Вы что — имеете специальные навыки?

— Этот человек зашёл в приёмную вскоре после вас и поинтересовался, куда вы пошли. Потом я увидела на улице, что он идёт за вами.

— А вы-то зачем за мной следили?

— На то есть причины.

— Хотелось бы их узнать. Простите, как вас величать?

— Ольгой.

— А в чём, собственно, Ольга, дело? Куда мы едем и зачем вся эта конспирация?

— А зачем этот человек за вами следит, вам неинтересно?

— Он меня охраняет. А вы, кстати, меня этой охраны лишили.

— Он вам не поможет. И вообще никто, случись что. Особенно с сегодняшнего дня.

Я уставился на неё.

— Да что вы меня всё пугаете и водите за нос? Считайте, я уже напуган. Вам что-то известно об исчезновении учёных? Говорите прямо!

Она молчала, следя за дорогой.

— Ну, если так, я дальше с вами не поеду. Остановите, надоело.

Лилу не отреагировала, только прижалась к обочине. Нас обогнали, заывая, несколько полицейских машин. Похоже, началась какая-то движуха по поводу этрускологов — операция “Перехват” или как это у них называется. Только перехват чего? Воздуха? Если кого-то и можно было перехватить, то, наверное, вчера.

— Этого не объяснишь, — наконец, сказала она. — Вы должны увидеть сами. Павел Трофимович о чём-то таком догадывался, но не придавал значения. А я с детства слышала эти истории.

— Какие истории? — встрепенулся я.

— О невидимом болоте посреди города. Ты не чувствуешь, как оно тебя засасывает.

— Вот как... И кого же оно засосало?

— В каждом дворе кого-нибудь да засосало. Теперь этрускологов ваших, ректора, Хачериди. И вас засасывает. Может, и меня.

— Давайте по порядку. Люди и раньше здесь исчезали неведомым способом?

— И появлялись неведомым способом. Здесь место встречи попавших в болото. Сегодня мне стало окончательно ясно.

— Послушайте, в каждом месте есть свои поверья. Но не думаете же вы...

— Думать бесполезно. Лучше не думать: тогда, может быть, пронесёт. Так мне ещё бабушка говорила.

— Так зачем же вы думаете?

— Меня не пронесло. Мы с Павлом Трофимовичем были не просто сослуживцы. Я не могу уже сделать вид, что меня это не касается. Я чувствую, как где-то рядом со мной чавкает болото. А вы?

Я пожал плечами:

— Признаться, чувствую я здесь себя погано, но меня угнетает неведение, а не чавканье какого-то виртуального болота.

Лилу стрельнула глазами в мою сторону.

— Может быть, с вами всё иначе. Ведь не зря же вы не пропали вместе с другими. А может, вы для них недоступны? Или у вас есть защита?

Я подался к ней:

— Для кого — для *них*? Выкладывайте!

Она невесело усмехнулась.

— Для *них*. Для духов из болота.

Что-то мне это напомнило.

— А вы с Колобакиным на эту тему не разговаривали? — поинтересовался я.

— Я вообще с ним никогда толком не разговаривала. Урод — в жопе ноги.

— А между тем, у него похожие мысли о вашем городе, только он выражался изящнее: город переселения душ.

— Он знает, что говорит, — сквозь зубы пробормотала она. — Откуда он сам появился? Никто не помнит в городе никакого Колобакина. А он утверждает, что всегда жил здесь.

Вот как? И Колобакин — “дух из болота”? Похоже, вообще-то. Но спрашивать ещё что-либо мне расхотелось. Мы покинули центр города и ехали по бесконечной улице, застроенной одноэтажными домами, с четырёхскатными, на южный лад, крышами. Они были сложены из какого-то странного, высокого кирпича. Приглядевшись, я понял, что это обычный кирпич, только поставленный на ребро. Очевидно, так экономились стройматериалы, а особой толщины стен в этих тёплых широтах не требовалось. А вот мелькнул дом из дикого тёсаного камня — возможно, выломанного из древних стен, как рассказывала экскурсовод. Здесь было уже темновато, поскольку кроны деревьев с обочин, испещрённые мазками свежей зелени, образовывали над дорогой тенистый свод, а фонарей ещё не зажигали. На одном из перекрёстков я увидел полицейский пикет, не обративший, впрочем, на нас никакого внимания.

В конце этой по-станичному длинной улицы Лилу остановилась.

— Там, — указала она на смутно угадывающиеся ворота какого-то тёмного парка. — Идите, смотрите.

— Да чего смотреть-то? — недоумевал я, но любопытство перевесило, и я вышел из машины и сделал несколько шагов к воротам.

Сзади фыркнул двигатель, я отступил к обочине, полагая, что она следует за мной, но малютка “Смарт” быстро развернулась и умчалась прочь, только шины прошелестели. Я остался, как дурак, один на дороге. Ах, ты, лиловая дрянь! Завезла меня чёрт знает куда и бросила! А перед этим пугала всю дорогу, так что я, и без того уже напуганный, ощущал рождение холодных струек на спине. Сейчас меня здесь и пристукнут. Или утащат туда, куда утащили несчастных этрускологов. Но ведь за несколько кварталов отсюда стояли полицейские, может, мне по-быстрому вернуться к ним? Уже собравшись идти назад, я увидел над воротами парка какую-то вывеску, но разобрать ничего не смог, кроме “... № 2”. Что за номер два? Парки не нумеруют. Я пересёк дорогу, перпендикулярную той, по которой мы приехали, и подошёл ближе. “Городское кладбище № 2” — вот что было написано над распахнутыми, несмотря на поздний час, воротами. Только теперь узрел я кресты и надгробья между разросшимися деревьями. “А вдоль дороги мёртвые с косами стоят”, — вспомнилось невольно.

Как ни странно, но тут робость моя прошла. Дешёвый трюк, топорная метафора! Дескать, кладбище тебя ждёт, если будешь слишком любопытным? Какой-то Голливуд для бедных. Безвестность страшнее, начинаешь воображать Бог знает что. Однако, миновав ворота, я перекрестился. Так, а дальше что? Кладбище как кладбище. Вон купол часовенки виднеется. Даже, если я бесстрашен, аки лев, что мне здесь делать в эдакое время? Свежей братской могилы этрускологов, слава Богу, не видно, а искать что-то

подобное в сумерках на немаленьком, как уже было ясно, кладбище не с руки. Трудно даже прочесть имена усопших на табличках. Я пригляделся к ближайшей плите и — почувствовал, как останавливается сердце.

“Минцлова Анна Рудольфовна. 1865—1942”, — было там написано.

* * *

До этого момента я воспринимал всё происходящее не то чтобы отвлечённо, но всё же как бы со стороны. А тут меня так проняло, что я не помню, как выскочил за ворота кладбища и как оказался на дальнем перекрёстке, где дежурили полицейские. Завидев их, я немного пришёл в себя. Мне захотелось, чтобы они меня задержали и отвезли в участок, потому что никаких такси на этой длинной окраинной улице, похоже, не предвиделось. Надежда на защиту полиции была, конечно, наивной, ибо она ничего не могла противопоставить той силе, что больше ста лет назад перенесла сюда Минцлову из Питера. Но нашему человеку свойственно уповать в опасности на людей в форме, вообще — на государство, а государству, как правило, всё это фиолетово. Нарочито замедлив шаг, мрачно насунив брови (или так мне казалось), я пошёл на полицейских. Но они лишь безразлично посмотрели в мою сторону и отвернулись. Я лихорадочно размышлял, под каким же предлогом к ним обратиться, и не нашёл ничего лучшего, как спросить:

— Простите, вы не подскажете, где бы я мог взять такси? Я человек приезжий, не знаю.

Мент армянистого вида оживился:

— А такое такси вас устроит? — указал он на служебный “жигуль” жовто-блакитного цвета. — Вам куда?

— Отель “Аквариум”.

— “Аквариум”? Триста рублей. Пойдёт?

— Пойдёт.

— С мигалкой поедете, уважаемый, как олигарх! Вован, — повернулся он к одному из полицейских, — это тот “Аквариум”, где пропавшие делегаты должны были жить. Поехали, человека подвезём, заодно и попатрулируем.

Двум другим ментам было предложено остаться дежурить. Те что-то проворчали в ответ, но возражать не стали.

Я сел на предложенное мне заднее сиденье “жигуля”. Ну, ладно, пусть такое “такси”, даже как-то спокойней. Дороже на сто рублей, чем в среднем по Южноморску, зато с мигалкой, под госохраной. Я сохранил способность размышлять на привычный, бытовой лад, хотя внутри меня плескалось смятение, как вино в стакане. Значит, оккультистка Анна Минцлова вовсе не исчезла в 1910 году, а материализовалась в этом “городе переселения душ”? Или исчезновение в одном месте и появление здесь — синонимы? Как это сказала Лилу? Место встречи попавших в болото? Ладно, допустим, а если кто-то исчезает именно здесь, как этрускологи, то где он появляется? И появляется ли вообще? К этому вопросу просился ещё один: как эта Ольга узнала про рассказ отца Константина о Минцловой? Ведь он просто физически не успел бы ей о нём сообщить. Но, может быть, ей и не надо ничего сообщать, она и так всё знает, будучи существом не материальным, а одним из “духов болота”, по её же выражению?

Мы ехали назад по знакомой уже дороге. За рулём сидел скуластый, с оттопыренными ушами сержант Вован. Он повернулся ко мне:

— А вы сами живёте в “Аквариуме”?

— Да.

— Про историю с учёными знаете?

— Слышал.

— И что слышали? — Вован явно был больше похож на полицейского, чем его сосед, которого интересовали только мои триста рублей.

— Они исчезли.

— Все?

— Нет, не все, один здесь.

— Где здесь?

— Ну, здесь, сзади вас.

От неожиданности он даже затормозил. Теперь они оба уставились на меня. Я не хотел произвести на них никакого эффекта, невольно получилось.

— А... что вы тут делаете?

— Ничего. Иду с кладбища.

В тёмном салоне это прозвучало зловеще. Я увидел, что им стало не по себе — словно детям, слушающим в потёмках “ужастики”.

— Почему же с кладбища? — пролепетал тот, что предложил мне услуги “такси”. — Ведь скоро ночь!

— Ладно, ладно, — постарался улыбнуться я. — Расслабьтесь, с покойниками я там не встречался. Одна ваша местная дура привезла меня туда и бросила.

— Какая ещё дура? Путана, что ли?

— Возможно. Я не спрашивал. Она хотела мне показать там что-то, я вышел из машины, а она развернулась и уехала.

— Деньги вы ей давали?

— Нет, она не просила.

— А что она вам хотела показать?

— Откуда я знаю — она же уехала.

— А кто она вообще? Как вы с ней познакомились?

— Секретарша ректора университета. Я был у неё по вопросам сорвавшейся конференции.

Теперь менты смотрели друг на друга: они явно не знали, что со мной делать.

— Сообщим, что один нашёлся? — спросил, наконец, Армянистый у Вована.

— А он терялся? Братан, ты чего-то не догоняешь. Мы же знаем, что один из них заселился в гостиницу. Этот, как его... Оленев. Вы Оленев?

— Я Лосев.

— Можно ваши документики?

— Пожалуйста.

Они включили свет в салоне и изучили паспорт.

— Вроде всё в порядке, — сказал Вован, возвращая документ. — А вас, вообще, допрашивали в связи с происшествием?

— Допрашивали, но не из вашего ведомства.

— А, понятно, смежники, значит. И они разрешили вам ходить одному по городу?

— Не запрещали.

— Те ещё следаки! Вам бы лучше сидеть в гостинице, гражданин Лосев. А то и вы куда-нибудь, не ровен час, исчезнете. Ну, чего, — повернулся он к напарнику, — в “Аквариум”?

— Поехали. Только про триста рублей я вам не говорил, а вы не слышали.

— Ладно.

Всю дорогу до гостиницы мы молчали. Менты, как мне показалось, испытывали явное облегчение, когда я их покинул у “Аквариума”.

В здании отеля был ярко освещён только вход и стеклянный вестибюль, а выше горело не более полудюжины окон. Дремавший за стойкой портье встрепенулся при моём появлении. Когда я шёл мимо него к лифту, то услышал за спиной звук разъезжающихся створок входной двери. Я обернулся — в холл входил Григорий, имевший такой вид, словно неотступно следовал за мной сегодня по пятам. Лишь покосившись в мою сторону, он направился к портье и о чём-то стал его негромко спрашивать. Я воспользовался этим, чтобы заскочить в распахнувшийся свою пасть лифт и уехать. Меньше всего мне сейчас хотелось говорить с Григорием. Но интересно, случайно ли он меня здесь застал или всё же как-то, без “жучка”, отслеживал всю дорогу, в том числе и на кладбище? Я уже ничему не удивлялся и готов был поверить, чему угодно, даже тому, что он тоже “дух болота” и следил за мной незримо.

Выйдя из лифта, я ощутил нечто необычное — точнее, непривычное, ибо что сегодня было обычным? Напротив лифтов имелось зеркало, в котором вы мельком отражались, когда входили или выходили. Я уже миновал фойе, когда боковое зрение с опозданием на доли секунды доложило мне, что в зеркале... был вовсе не я. Постояв несколько секунд в нерешительности (услужливое слово “показалось” я отмёл как издевательское в моей ситуации), я вернулся к зеркалу. Из него на меня страшными глазами смотрел... доцент Киров, мой сосед по самолёту.

“Наверное, у меня такие же глаза”, — как-то отстранённо подумал я, а губы сами собой спросили:

— Где вы?

— Я здесь, у лифта, — потусторонним голосом ответил он. Действительно, за его спиной были двери лифтов.

— Вы... живы?

— Я? — Он кривовато поправил золочёные очки на носу. — До этого момента считал, что жив, а сейчас сомневаюсь.

— Что с вами произошло?

— Все исчезли, и я остался один.

“Он остался один? — лихорадочно соображал я. — Как я? Выходит... с остальными произошло то же самое? И теперь каждый находится в своей реальности, где все исчезли, кроме них?”

— Я здесь, как в пустоте, — пожаловался взъерошенный Киров. — Весь день рядом со мной были какие-то люди, но они тоже пустота. Вокруг — километры пустоты, словно тогда, когда мы летели в десяти километрах над землёй.

Не зря он боялся высоты, ох, не зря! А я смеялся!

— Корабль в пустоте... — вырвалось у меня.

— Что?

— Так сказал один местный доцент, Колобакин... Вы видели его?

— Возможно. Но я не знаю, кто это.

Стало быть, если наши с Кировым миры параллельные, и все остальные тоже, то происходящее в них вовсе не параллельно, во всяком случае, не строго параллельно.

— А что с вами? — спросил Киров из синеватой глубины зеркала. — Что с этрускологами в вашем... мире?

— То же самое, что и в вашем. Я здесь один.

— Понятно. — Он опустил голову. — А я-то, увидев вас в зеркале, надеялся... Ненавижу этих этрусков! Не стоило ими заниматься, они не приносят счастья.

— Вы полагаете?... Вот и Колобакин...

— Не знаю, что там Колобакин, а всё вокруг этрусков пропитано обречённостью, унынием, пресыщенностью... Эти их гадания на внутренностях... этот гипертрофированный культ изысканных зеркал... Язык их нечеловеческий... Немудрено, что они внезапно все исчезли... А теперь — мы. Мы заразились от них.

— Да-да... — я задумался. — Вы говорите — зеркала? А ведь они, наверное, тоже были ритуальными. И мы вот встретились у зеркала. А если это дверь из одного мира в другой? И мы можем объединиться? Вдвоём-то будет полегче. А потом увидим в этом портале ещё кого-нибудь из наших, перетащим к себе. И так — каждого, пока не станет нас снова пятьдесят.

— Боюсь, это было бы слишком просто, — уныло сказал Киров. — Не для того нас разбросали по разным ходам во времени и пространстве, чтобы мы взяли и воссоединились в зеркале.

— Вы и впрямь, кажется, заразились. Но ведь можно легко проверить. Чего нам терять? — Я протянул к нему руку, но мой средний палец со стуком ударился о гладкую и твёрдую поверхность стекла. Киров исчез, и в зеркале появился я, будто здоровающийся со своим оригиналом. Привет, терпила! Тебя снова надули!

В номер я зашёл крадучись и осторожно вставил карту в пластиковый карманчик на стене. Вспыхнул свет. Пусто. С опаской поглядев на зеркала,

я подумал, а не снять ли шторы с окон и не завесить ли зеркала, чтобы не заглядывал сюда кто ни попадя из зазеркалья, но потом решил, что не стóит, — не похороны всё же.

Явление Кирова в зеркале кардинально меняло картину происходящего. До сего момента существовало два мира: тот, в котором я сейчас нахожусь, и тот, в котором исчезли остальные. Теперь же появились основания подозревать, что этих миров пять десятков, если не больше (ещё оба портье, Хачериди), а я могу повлиять, в лучшем случае, на один. В других, скорее всего, от этого ровным счётом ничего не изменится. Я свалился, не раздеваясь, на необъятную кровать. Сил не было не только что-то делать, но и думать, и я уснул.

Наутро я долго лежал без движения и глядел в высокий потолок, усыянный круглыми дырочками-светильниками. Я затерялся здесь в одном из пятидесяти миров и не знал, как выбраться обратно. Какая из дырочек моя? И всё же мой ум отказывался верить во всё, с чем я столкнулся вчера вечером. Я нащупал на тумбочке пульт и включил огромный телевизор напротив кровати. Что там говорят в утренних новостях про исчезновение полусотни человек в Южноморске? Я нетерпеливо щёлкал с канала на канал, везде сидели улыбающиеся до дёсен, точно негры, ведущие и несли какую-то хрень. Ни слова об Южноморске. На одном из каналов я увидел бегущую понизу новостную строку, стал читать. “Президент США Трамп заявил в “Твиттере”...” “ВКС России нанесли удар в провинции Идлиб...” “Парламент Тосканы признал Крым частью РФ...” “В Большом театре премьера...” “Скандално известный актёр Алексей Панин попытался выйти из летящего самолёта...” “Сборная России по хоккею вышла в четвертьфинал ЧМ...” “Курс доллара...” “Погода...” Потом заново: “Президент США Трамп...” И всё. Так, где мой телефон? А ведь вчера не было ни звоночка, даже от жены! Так не бывает: всегда за день кто-нибудь да позвонит. В “Контактах” у меня были номера нескольких редакций, с которыми доводилось сотрудничать, в том числе и ТВ. Я стал звонить. “Номер не обслуживается, поскольку вы находитесь вне пределов досягаемости сети...” По другому телефону: “Номер не обслуживается...”, “Номер не обслуживается...”, “Номер не обслуживается...” Я вспомнил шутку одного покойного писателя: “Чтобы позвонить в ад, нужно набрать код 666”. Может, тогда обслужится? Я снял трубку гостиничного телефона — он не работал.

Что ж, понятно: в моей реальности связи нет. И тут телефон зазвонил. Двумя пальцами, словно боясь заразиться, я поднял трубку:

— Алло!

— Борис Сергеевич?

— С кем имею?..

— Вы завтракали?

— Нет. — Я вдруг почувствовал, что ужасно голоден: завтракал я последний раз вчера, но после этого не обедал и не ужинал.

— Завтракайте и спускайтесь, пожалуйста, в холл. У нас к вам есть вопросы.

— У кого — “у нас”?

— У нас. У полиции и прокуратуры.

— Вы обнаружили людей?

— Спускайтесь и поговорим.

Значит, не обнаружили. Нажав несколько раз на рычаг телефона, я проверил, работает ли он теперь — нет, быстренько снова умер. Чудеса! Всё было бессмысленно. Хотелось исчезнуть куда-нибудь, чтобы не переливать из пустого в порожнее с проснувшимися, наконец, “следаками”. Ведь это всего лишь одна из пятидесяти следственных групп, действующих в мистическом южноморском болоте. Поодиночке они никого не найдут, а вместе им никогда не сойтись. Но куда тут исчезнешь? Я и так сорок девять раз исчез в других южноморских мирах...

Я махнул на всё рукой, умылся и пошёл завтракать. В небольшом угловом холле на моём этаже сидел Григорий и ещё один субъект, набыченный.

Охраны прибавилось. Или это был сменщик — Григорий, похоже, тут ночь провёл.

В столовой на этот раз я увидел двух буржуев, жрущих свой буржуйский завтрак — овсяные хлопья с молоком.

— А что — футболисты ещё не завтракали? — спросил я у давешней неприветливой девушки.

— Футболисты уже уехали, — скривилась она.

Ну, да, конечно, среди них же есть свидетели, как же их оставлять в отеле? Моя реальность по-прежнему была безрадостной.

Ничего хорошего я не ждал и от тех, кто позвал меня в холл, и мои предположения оправдались. Там сидели шесть типов в тёмных костюмах с неприязненными физиономиями, включая известного мне Ротова. Они сразу же препроводили меня в пустующий бар, — видимо, помещение двойного назначения. Особенно несимпатичным казался лысый, узкогубый, с каким-то вдавленным внутрь носом человек, начавший меня допрашивать, причём “по-взрослому”, под протокол, который писал его коллега за соседним столиком. Третий снимал меня на камеру. А передо мной узкогубый положил ещё и диктофон.

— Ваша фамилия, имя, отчество?

— Хотелось бы сначала узнать, с кем имею дело.

— Румянов Валентин Игоревич, следователь по особо важным делам Генпрокуратуры. — Он достал и развернул удостоверение.

— Неужели из Москвы?

— Из Москвы.

Ага, значит, всё-таки всполошились. Я представился, а Румянов пошёл по протокольным пунктам: дата и место рождения, адрес по прописке, судимость — в общем, как положено. Но первый же вопрос по существу меня оγοрошил:

— С какой целью распространяете сведения о прибытии в отель “Аквариум” этрускологов?

Помолчав, я спросил:

— Неужели вы для этого прилетели из Москвы? Чтобы искать подтверждения местным бредням? А поиском учёных вы, пардон, не хотите заняться?

— Сейчас вопросы задаю я. Прошу вас отвечать по сути, ведётся запись. Повторяю: с какой целью...

— С той целью, что я сам был среди этих этрускологов.

— Кто это может подтвердить?

— Не знаю. Мне кажется, этих людей должны найти именно вы. Но ни дежуривших в тот день портье, ни координатора Хачериди, судя по вашим вопросам, так и не нашли. А футболистов, оформлявшихся параллельно с нами, заставил молчать, по имеющимся у меня сведениям, присутствующий здесь господин Ротов.

— Позвольте! — запротестовал побагровевший капитан. — Кого это я заставлял молчать?

— А местного вратаря, молодого такого парня. Он стоял тогда рядом со мной у стойки. А теперь отказывается говорить, что видел, поскольку, по его словам, приходил капитан и сказал не сообщать никому ничего про вчера, а то будут неприятности. И быстренько убежал от меня.

На улице у Румянова проступила некоторая растерянность. Он переводил глаза с меня на Ротова.

— Так я и вам такое говорил: во избежание слухов не распространять до выяснения обстоятельств информацию! — воскликнул Ротов.

— Если так, то чего вы добились? Вратарь молчит, как рыба. А вам он сказал, кого видел на ресепшене?

— И он, и другие футболисты видели каких-то людей в холле, но не знают, кто они были.

— Ну, один-то из них имеется! Устройте нам очную ставку! Покажите остальным фотографии учёных!

— Пока не могу: после домашнего матча они вылетели на игру в другой город.

— Вот так сразу? Не отдохнув и денёк?

— Их расписание составляю не я.

— Хорошо, но водителя автобуса, который привёз нас всех из аэропорта в “Аквариум”, вы можете допросить?

Ротов насутился.

— Нет, не можем.

— Отчего же?

— Он вчера умер.

Несмотря на то, что я, как мне казалось, понял условный и необязательный характер реальности, в которой оказался, холодок ужаса пробежал по моей спине.

— Как — умер? — пролепетал я. — От чего?

— Тромб в голову отлетел.

Я не знал, что сказать, тупо уставившись на Ротова.

— И вам... это не кажется подозрительным?

— Выясняем, — скупо отозвался тот.

— Вернёмся, однако, к вопросу, — откашлявшись, предложил Румянов. — Получается, что ваши слова о прибытии в “Аквариум” этрускологов некому подтвердить?

— Естественно, некому, если все свидетели умирают и исчезают. Причём в течение суток. Я не знаю, кто ещё мог их видеть. Опросите постояльцев отеля — благо, их немного, — а также людей, что работают напротив “Аквариума”. Пятьдесят человек — это немало, кто-то ещё обязательно должен был нас видеть. А аэропорт? А списки пассажиров самолёта? Неужели вместо того, чтобы искать пропавших учёных, вы намерены доказывать, что я их придумал?

— Свидетельств, что кто-то прилетел в Южноморск помимо вас, пока не обнаружено.

— Даже так?! А вы запрашивали авиакомпанию?

— Авиакомпания “Южный ветер”, самолётом которой вы прилетели, вчера объявлена банкротом, — встрял молчавший до сего времени мужчина с седоватым бобриком. — Рейсы отменены, федералы ведут выемку документов и доступа к ним, в том числе, и к спискам пассажиров, не имеется.

Я почувствовал, что ветерок ужаса, гулявший вдоль моей спины, пробирается внутрь — куда-то туда, где желудок и сердце. Обратного-то я тоже должен был лететь этим “Зюдвиндом”. Теперь мой билет недействителен. И я не знал, хватит ли мне денег улететь “Аэрофлотом” — билеты там были куда дороже. Конечно, есть ещё железная дорога, междугородний автобус, но здесь, как видно, прямых путей нет.

— Можно узнать, кто вы? — обратился я к седоватому.

— Да, подполковник Земский Николай Андреевич, замначальника ГУВД.

— О, тогда возникший у меня вопрос прямо по адресу. Допустим, это я придумал приезд к вам этрускологов. Тогда, может быть, и конференцию я придумал? И к вам никто не должен был прилететь?

— Должны, по нашим сведениям. Но если все где-то исчезли — у гостиницы или в аэропорту, — то почему вы не исчезли? — повторил Земский вчерашний вопрос Ротова.

— Ну, потому, наверное, что я их всех убил и в землю закопал.

— Осторожнее, — проворчал Румянов. — Не забывайте, что ведётся протокол. А в нём ваши шутки могут быть расценены как признание.

— О, я чувствую, вам это необходимо. Только с одним мной вы свою следственную кашу не сварите. Меня маловато будет.

— Мы вас пока ни в чём не обвиняем. Но ваше поведение в сложившейся ситуации кажется странноватым.

— Чем же?

— Явившись один на конференцию, вы дали журналистам длинное интервью.

— Не я им дал, а они у меня его взяли, узнав, что я делегат. Почему бы мне не ответить на вопросы прессы в ожидании остальных? Разве это криминал?

— Нет, не криминал. Но сегодня в газетах фигурирует лишь ваша фамилия и ваши гипотезы. — Румянов достал из портфеля стопку свежих газет, развернул одну.

“РАСШИФРОВАНА ДРЕВНЕЙШАЯ НАДПИСЬ”, — прочитал я над своим фото. И подзаголовок: “Открытие конференции этрускологов задерживается, но одна сенсация уже состоялась”. Ясно: это, наверняка, дело рук того интеллигента с галеткумом, который попросил меня записать “Hktaonosi heloke...” и другие надписи.

— А вот ещё. — Следователь показал заголовки других газет: “Подпоручик Киже и этруски: что общего?”, “След этрусков на Карпатах”, “Русы не пьют с хеттами”, “Коренные русские слова — этрусские?” В общем, раздёргали всё на цитаты, чтобы, как они говорят, активной “пипл хавал”.

— И что? Для того, чтобы всё это появилось в газетах города Южноморска, я устранил в одиночку сорок девять других ораторов?

— Мы этого не утверждаем. Но если бы вы захотели сделать нечто подобное, вам бы потребовались сообщники.

— Вы серьёзно полагаете, что в Южноморске у меня могут быть сообщники?

— Нет, вы же не обвиняемый, а свидетель. Кстати, с кем вы вчера встречались в городе?

— То есть, кто кандидаты в сообщники? Извольте: это господин Здолбунович, председатель оргкомитета конференции, Ольга, секретарь ректора университета, фамилии которой я не знаю, доцент Колубакин оттуда же и отец Константин из кафедрального собора.

— А что, если не секрет, вы хотели узнать у отца Константина?

— Часто ли в городе случается такая чертовщина, как с этрускологами. Румянов покосился на своих коллег, а те на меня.

— А почему вам это кажется чертовщиной?

— Странно, что вам не кажется. Рациональных объяснений исчезновению учёных вы, как я понимаю, не имеете. Но ведь исчезли-то не только они. Почему-то исчезают, умирают или разбиты параличом все, кто имел непосредственное отношение к ним. Или, может быть, случайно именно вчера обанкротилась авиакомпания?

— Гм... это, по-вашему, вмешательство нечистой силы?

— Вот это я и хотел узнать у отца Константина.

— И что он вам сказал?

— Он не исключил такой возможности.

— А что вы делали вчера вечером на втором городском кладбище?

Ага, менты уже доложили. Мне не хотелось говорить Румянову про Лилу, но он, похоже, и так знает.

— Я думаю, вам всё сообщили полицейские.

— Они сообщили, что задержали вас по пути с кладбища. Но они не знают, что вы там делали.

Ах, они меня задержали! Какие бдительные! Ну, понятно, не скажут же они о предложенных услугах частного извоза. Получается, и поведанную мной историю о Лилу менты не пересказывали.

— Я посетил находящуюся на этом кладбище могилу известной теософки Анны Рудольфовны Минцловой. — Я внимательно посмотрел на Румянова и остальных, стараясь прочитать на лицах — знакомо ли им это имя.

Следователь слегка наморщил бугристый лоб: он, очевидно, не знал, ни кто такая Минцлова, ни значения слова “теософка”, но уточнять не стал. Остальные тоже молчали. Что ж, может, хоть они — не “духи из болота”.

— Позвольте задать свидетелю вопрос? — спросил Ротов.

— Прощу вас.

— А почему вы скрылись от выделенного мной сопровождающего?

Я изобразил удивление:

— Простите, вы мне сказали, что я его даже не увижу. А теперь получается, что я должен был следить, ходит ли он за мной. Но я, конечно, посматривал. Это не я от него скрывался, а он исчезал куда-то время от времени.

Ротов отвёл глаза и недовольно прикусил ус.

— Разберёмся, — буркнул он.

Достанется теперь Грише на орехи! И поделом: приказали тебе следить, так следи, а не ходи обедать или пить пиво. А то припёрся к секретарше спрашивать, где я нахожусь! Телохранитель, называется!

— Капитан Ротов деликатно не упоминает о микрофоне с маячком, от которого вы избавились. Зачем вы это сделали? — поинтересовался Румянов. — Складывается впечатление, что вас не очень заботит своя безопасность и благополучный исход поисков.

— Ах, там ещё маячок был! А ведь я не давал согласия ни на жучок, ни на маячок. И не дам. В общем, я подарил эту божью коровку одной девочке, которая и сняла с меня её.

— Какую божью коровку? — не понял следователь.

— Ну, жучок-маячок этот был в виде божьей коровки. А дети обращают на такие вещи внимание.

— Правда, что ли? — повернулся Румянов к Ротову.

Тот развёл руками, натянуто улыбаясь.

— Кто же это у вас такой... сообразительный?

Капитан нахмурился и снова отвёл глаза:

— У товарища Лосева коричневый, даже красноватый пиджак, вот агент и посчитал, что устройство в виде божьей коровки будет на нём не слишком заметно.

— Ну да, до первой наблюдательной девочки. Впрочем, это ваше дело. А теперь, — обратился ко мне Румянов, — мне хотелось бы послушать вашу версию событий, начиная с прилёта в Южноморск.

Я рассказал ему то, что поведал вчера Ротову. Выслушав, следователь поинтересовался:

— Вы кому-нибудь ещё сообщали, что делегаты якобы регистрировались в гостинице?

— Да, Здолбуновичу, — ответил я с заминкой. Отца Константина мне подводить не хотелось. Слишком много народу здесь исчезает. А то и умирает.

— У товарища Рождественского из министерства культуры, с которым мы прилетели из Москвы, — Румянов указал на доселе молчавшего, но внимательно слушавшего меня щекастого мужчину, похожего на бобра, — есть просьба к вам.

— Вы, безусловно, имеете право на своё видение случившегося, — откашлявшись, начал Рождественский. — Но только вы говорите, что этрускологи прибыли в отель, больше никто. Скоро, очевидно, здесь появятся московские и иностранные журналисты. Мы были бы вам очень признательны, если бы вы не пересказывали им версию, что учёные исчезли здесь, в "Аквариуме". Тем более, как я понимаю, вы не знаете, где именно они исчезли, вы просто последний раз видели их здесь.

— Нет, — категорически отказался я. — Это страусиная политика. Вы просто боитесь признать серьёзность проблемы. На день-два вы облегчите себе жизнь, а дальше? Зачем уводить людей с настоящего следа? Ведь сюда не только журналисты, но и родственники пропавших могут приехать. Вы об этом подумали? Кстати, — я повернулся к "силовикам", — а догадался ли кто-нибудь позвонить родственникам: может быть, они выходили с этрусколгами на связь?

— Вы как-то пренебрежительно о нас судите, — пробормотал Земский. — Сразу видно — москвич. Конечно, звонили под разными предлогами, не имеющими отношения к произошедшему. Везде был ответ, что они улетели на конференцию, но на телефонные звонки не отвечают и сами не звонят. Никто пока по этому поводу особо не волнуется: думают, неполадки со связью.

— А вы и рады? Когда же вы собираетесь сказать родственникам правду? Впрочем, делайте, что хотите, а меня не втягивайте в эту сомнительную

авантюру. Пусть органы, если не могут найти делегатов, ищут портье и Хачериди, а не занимаются ерундой.

— Что вы называете ерундой? — обиделся Румянов.

— Ну, ваше это расследование относительно меня, просьбы эти молчать о прибытии этрускологов в “Аквариум”. Вас его хозяин из Минэкономразвития, что ли, надоумил?

— Мне не известно, кто хозяин отеля. А вам откуда известно?

— Мир слухом полнится. Хачериди о чём-то таком говорил по дороге из аэропорта.

— Всё же, Борис Сергеевич, в интересах следствия мы просим вас не разглашать информацию, которая, по вашим утверждениям, у вас имеется.

— Не дождётесь. Я понимаю, что местным властям, — я кивнул на Земского, — удобней считать, что учёные вообще не появлялись в городе. Но я не знаю, зачем это нужно вам, если на вас действительно не оказывается давление высокопоставленный хозяин отеля.

— Просто мы не можем брать за основу ваш “настоящий след”, потому что в гостиничных документах зарегистрированы только вы. Что же, по-вашему, мы должны сказать общественности, что учёные растворились в холле “Аквариума”?

— А, очевидно, вам легче сказать, что они растворились где-то на просторах Руси между Москвой и Южноморском! Знаете, что? Я предлагаю удобный для всех выход. Говорите общественности, что хотите, а мне выдайте новый билет на самолёт, и я сегодня же улечу. Таким образом вы уберёте от журналистов и родственников источник нежелательной для вас информации. Допрашивать же меня можно и в Москве.

Команда дознания переглянулась, а потом все уставились на Румянова. Не исключено, что кому-то моё предложение показалось заманчивым. Несколько секунд они молчали. Наивно, конечно, было рассчитывать, что, продвинувшись в пространстве по своему зеркальному коридору до Москвы, я смогу покинуть его пределы во времени, но очень уж тяготило меня пребывание в Южноморске.

— Видите ли, — наконец сказал Румянов, — вы не только свидетель, вы единственный из имеющихся в наличии участников конференции. Каким-то образом тайна их исчезновения связана с тем, что лично вы не исчезли. Каким, мы ещё не знаем, но вряд ли было бы разумно лишаться на этой стадии расследования ещё и вас.

— Понятно — я нужен вам для ловли на живца. С жучком и маячком. Однако я ни на что подобное не подписывался и сразу по истечении срока моей командировки уеду. Чтобы помешать мне, вам придётся меня арестовать. А чтобы арестовать, вам придётся предъявить обвинение. Надеюсь, ни один в мире суд не согласится, что я как-то причастен к пропаже такого количества людей. А если и согласится, то не думаю, что в местном СИЗО я окажусь вам нужнее, чем в Москве.

— И всё же сейчас вы нужны здесь. Будем надеяться, что это продлится недолго. Подпишите, пожалуйста, протокол: “С моих слов записано верно”, — на каждой странице.

Я подписал, лишь бегло просмотрев листки: какая разница, что написано в одном из пятидесяти таких протоколов? Где-то там, в зазеркалье, и Киров подобный протокол подписывает или уже подписал.

— Что ж, Борис Сергеевич, до новых встреч, — сказал следователь, поднимаясь. — Но прежде чем покинуть вас, снова попрошу, чтобы вы прислушались к словам товарища Рождественского. Ведь вы действительно *не видели*, что делегаты исчезли здесь, — вы, придя утром на завтрак, их здесь *не застали*. И вы ни на капельку не погрешите против истины, если не будете настаивать на том, что учёные зарегистрировались в “Аквариуме”.

— Но они регистрировались.

— Однако всё же не сделали этого, если записей нет, не правда ли?

— Не знаю. Ищите портье, чтобы узнать причину отсутствия записей.

— Ищем. Но, пока не нашли, воздержитесь, пожалуйста, от распространения сведений, способных вызвать панику и нездоровый ажиотаж.

Я ничего не ответил. Плевать мне на ваш ажиотаж — что он значит в этом городе переселения душ? Румянов некоторое время смотрел мне в глаза, но я не отвёл свои. Явно недовольный мной, он повернулся и пошёл к выходу, остальные молча последовали за ним.

Я же направился к стойке с прессой напротив ресепшена, чтобы просмотреть газеты, которые мне показывал следователь. В сами статьи я вчитываться особенно не стал, чтобы лишний раз не раздражаться тем, как избирательным цитированием и варварскими сокращениями перевирают твои слова. Всё это делается авторами и редакторами одинаково — что в Москве, что в провинции. Меня интересовало, что написано об исчезновении этрускологов. Но, как и следовало ожидать, — почти ничего. В основном, на разные лады муссировались слова “открытие конференции задерживается” из газеты, показанной Румяновым. “По причине организационных накладок первое заседание не состоялось...”; “Первый день вышел комом из-за того, что большинство участников не смогли прибыть к началу работы...”; “К организаторам конференции есть вопросы: они не сумели обеспечить своевременное присутствие всех делегатов...” и т. п. И ни полслова о том, где же, собственно, могут быть делегаты, если им куплены билеты до Южноморска на определённый день и час. Особенно мне понравилось это “большинство”, тогда как “меньшинство”, то есть я, составляло ровно 0,5 процента! Вот поэтому-то я терпеть не могу газет — ни бумажных, ни электронных. В ирреальном мире они оказались столь же неискренними и двусмысленными, как и в реальном.

Я поймал себя на мысли, что, определив свой нынешний мир как “ирреальный”, я, однако, не вполне ощущаю соприкосновение его границ с реальным, который должен же находиться где-то. Допустим, он за пределами Южноморска. Но встретился ведь здесь мне и нормально реагирующий человек — отец Константин. Он — часть реальности в моём “коридоре”, или же тот границы церкви огибает, не в силах пройти по освящённому месту?

Я поднялся с дивана и подошёл к портюе.

— Телефон в моём номере не работает.

— Понял, пошло к вам к вам нашего специалиста по связи.

— А могу я пока воспользоваться вашим телефоном?

— Да, конечно, вот он, на столике — специально для таких случаев.

Хороший сервис — учитывая, что я и по мобильному не могу никому дозвониться! Хотя не факт, что дозвонюсь и по этому. Однако после набора номера пошли длинные гудки, и голос отца Константина ответил:

— Слушаю!

— Батюшка, это Борис Лосев, который вчера подошёл к вам у церкви. Знаете, рассказанный вами сюжет из Белого получил совершенно неожиданное продолжение. Я бы хотел показать вам кое-что, если, конечно, у вас есть время.

— Я сейчас свободен, пожалуйста.

— А где мы можем встретиться?

— Да хоть в храме, я здесь, подходите.

— Тогда через полчаса.

Положив трубку, я некоторое время смотрел на неё. Если отец Константин существует в обычной реальности и отвечает мне по телефону, то, стало быть, и телефон реален? А почему тогда мой отключён? Нет, для меня всё это слишком сложно. Я вспомнил фильм аргентинских студентов “Мёбиус” — о том, как в метро Буэнос-Айреса после запуска кольцевой линии исчез целый поезд в месте, где начинался один кольцевой маршрут и кончались другой. Топология пространства и времени искривилась при увеличении скорости состава в точке “нулевого” поворота — примерно так же, как изменяется поверхность перекрученной ленты Мёбиуса при соединении её концов. Реальность в такой непрерывной конфигурации не противоречит ирреальности — они переходят друг в друга на витке. С этой точки зрения Румянов и Рождественский, скажем, действительно могли прибыть из реальности Москвы в мою псевдореальность — просто они на одном витке, а я

на другом. А всем этрускологам, включая меня, выпало оказаться в нулевой точке пространства-времени “города переселения душ”. Только эта лента, в отличие от ленты Мёбиуса, перекручена не один раз, а пятьдесят, и на каждом её витке — по этрускологу. Научная фантастика, словом! Я любил её читать в детстве, но ни тогда, ни позже не мечтал сам оказаться в ней.

* * *

Поздоровавшись с отцом Константином, я не стал ходить вокруг да около:

— Батюшка, моя просьба покажется вам странной, но я хотел бы, чтобы мы вместе поехали на второе городское кладбище. Поверьте, проще показать вам то, что я вчера увидел, чем рассказывать.

Священник был явно озадачен, но виду не подал, только поинтересовался:

— Вы вчера были на кладбище?

— Да, после встречи с вами.

— Что же, простите, привело вас туда?

— Не что, а кто. Встретил напротив университета секретаршу ректора, и она сказала, что хочет кое-что показать мне там — вроде, как я сейчас вам. Вы, кстати, с ней знакомы?

— Не имел удовольствия.

— Тем загадочней выглядит ситуация. Она как будто слышала наш с вами разговор.

— Даже так? Ну, а главное: учёные-то нашлись?

— По-прежнему нет.

— М-да... А то, что вы хотите мне показать, как-то связано с этим?

— Полагаю, да.

— Ну, тогда поехали, поглядим.

— Я поймаю такси.

— Не надо, я на машине.

Мы обошли храм, и отец Константин указал на стоящую во внутреннем дворе “ладу-весту”:

— Сюда.

В салоне пахло ладаном и восковыми свечами, а над лобовым стеклом разместился рядком иконостас в миниатюре — Спас в Силах, Божия Матерь, Николай Угодник, святые равноапостольные Константин и Елена. Только мы выехали за ворота, как за нами двинулась “реношка” с привычным парнем из “Аквариума” за рулём и другим мужчиной, мне не известным. Они “приклеились” ко мне сразу после того, как я сел в такси возле отеля. Статус наблюдения за мной был явно повышен: тут тебе и второй агент, и “тачка” нашлась. Я не стал говорить батюшке о “хвосте”, чтобы он не нервничал.

— Может, всё-таки расскажете, зачем мы едем на кладбище? — спросил отец Константин, следя за дорогой. — А то невольно какие-то мысли о покойниках в голову лезут.

— Да ведь раз уж поехали, недолго ждать осталось. Потерпите уж, пожалуйста.

— Что ж, потерплю, Господь терпел и нам велел. А я читал в газетах о вас и об этрусках. Интересно. Вот вы там говорили, что этруски были родственны венецам и ретам. Но этруски, я слышал, верили в древнегреческих богов?

— Да, только называли их по-другому.

— А в кого верили венецы и реты?

— Ну, у них были свои боги — Великий Отец и Великая Мать. Называли их тоже по-разному: Велинь, Белин, Матрея, Рейтия. Всё зависело от племени. Реты и адриатические венецы предпочитали Рейтию. В сохранившихся надписях она упоминается даже чаще бога Белина. Кстати, слово Рейтия или Реция вполне может означать то же самое, что и Россия.

— Как это?

— Вам, наверное, известно, что европейцы в Средневековье называли нас рутенами, а Русь — Ruthenia. Не исключено, что и римское Raetia на самом деле калька с венетско-этрusco-го Rautia или Rousia, поскольку римлянам было свойственно превращать звук “с” в иностранных словах в “ц” или “т”.

— Я примерно представляю, где жили этруски. А где жили венеты?

— На адриатическом побережье Балкан и северной Италии, а также в Норике, на территории современной Австрии.

— Ага. А Венеция, конечно, это от венетов?

— Конечно. И Вена тоже.

— Я вот более-менее понял из ваших интервью, чем язык ранних этрусков схож с русским. А что представлял собой венетский язык?

— Он был ещё более схож. Возьмём стихотворную надпись на атестинской погребальной урне, начерпанную латиницей: “V ougon taj o stinaj, V ougon taj tot i opaj”. Думаю, вы, зная церковнославянский, без труда переведёте это.

— Ну, наверное, так: “В огне тай, о, стенай, В огне тай тот и оный”.

— Почти так. “Тай” или “та” по-венетски будет “этот”. “Стенай” же пишется через “и”, а не через “е”, как “стенай”, и означает “истлей”. Получается: “В огне этом, о, истлей, В огне этом тот и оный”. То есть, речь идёт о кремации покойников, которые, естественно, в огне не сгорают. Но основной смысл вы сходу перевели верно. Нет, по-моему, никаких сомнений, что перед нами — праславянский язык, а не один из древнеиталийских, как утверждают итальянцы, не умея при этом перевести ни этрусских, ни венетских надписей.

— Ладно, допустим, эти этруски, венеты и реты — наши давние предки. Но почему у нас, в “Рутении”, языческие боги назывались по-другому? Даже “России” не было!

— Думаю, именно потому, что реты, скажем, верили в Рейтию, а норрики — в Норейю, то есть олицетворяли богинь со своей землёй или страной. А нет страны, то нет, получается, и божеств. Но, вообще-то, в языке следы доперуновых богов можно обнаружить — даже там, где не ждешь. Откуда, по-вашему, слово “блин”? Оно с большой вероятностью восходит именно к богу Белину и означает ритуальное угощение, испечённое в форме солнца. Вообще, имя венетского бога “Белин”, “Белен” — исконно славянское, потому что происходит от древнейшего корня “бель” в значении “блестящий”, “светлый”. Старая праславянская форма этого имени — Белбог, Белобог. Распространённое мнение о том, что имена Белобог, Белин, Велинь почти не встречаются у восточных славян, неправильное, поскольку опирается на анализ только фольклорных источников, а не топонимов. Почему, скажем, Белая Русь — “белая”, а не “зелёная”, что больше бы соответствовало цветовой гамме этого края? Или возьмём древнее, ещё дохристианское название вольнской столицы — Велинь. Скорее всего, оно имело прямое отношение к богу Белину-Велиню. Многие лингвисты, кстати, выводят известного нам Велеса именно из Велиня. Не будем забывать и о том, что имена одних и тех же богов у язычников всё время менялись. Этрusco-го Зевса звали Тин или Дин, что означает “день”, а День — это уже близко к Белобогу. Восточные славяне чаще называли Белобога древнейшим синонимом Доля, — и, соответственно, Чернобога — Недоля, Лихо.

— Ну да, не буди лиха, пока оно тихо.

На этих его словах вдали зловеще замаячили ворота кладбища № 2.

— А вы знаете, как моя фамилия? — повернулся ко мне батюшка. — Недолин.

Я захохотал — по свойственной мне нервной смешливости, но тут же осёкся:

— Извините.

— Ничего, — улыбнулся отец Константин. — Не я же верил в Недолю, а какой-то мой дальний предок.

— Да ведь вера в Долю подразумевала и веру в Недолю. Жертвы, небось, приносились и тому, и другому.

— Ну, это уж как водится у язычников. Знаете, я всегда с недоверием

относился к активным поискам наших корней в далёкой древности, а вот почитал, послушал вас и вижу — не так всё просто.

— Самое пикантное, что вовсе не мы начали поиски этих корней! Такова была европейская историография вплоть до появления “норманистов”! Помню, на одном “круглом столе” по истории немецкий профессор, злобный такой дяденька, говорит: “Вы фальсифицировали свою историю ещё в семнадцатом веке, когда архимандрит Иннокентий Гизель написал о могильнице Римской империи Одоакре: “князь некий славеноросский Одоацер”! Славеноросский! В пятом веке! Как вам это нравится? — Позвольте, — возразил ему я, — Иннокентий Гизель всего лишь перевёл то, что написали *вы!* — Как это? — А кто выбил на плите: “Odoacer rex ghutenorum” — “Одоакр, царь рутенов”, в древней пещерной церкви в Зальцбурге, на том месте, где Одоакр сбросил со скалы полсотни священников и монахов? Архимандрит Иннокентий? И разве мы писали, начиная с десятого века, что русы — потомки библейского народа росс? А теперь нам об этом и вспоминать нельзя?” Сразу заткнулся, побагровел, сидит, моргает.

— А кто это написал — о народе росс?

— Византийский хронист Лев Диякон в своей “Истории”.

— Вы думаете, это правда?

— Не знаю, но более поздние историки, например, немец Моземан-Фабрициус и курляндец Рейтенфельс, утверждали, что правда.

Батюшка припарковался у кладбищенских ворот, покачал головой.

— Наша история — это бездна. Лучше не заглядывать, а то голова закружится. Знаете, некоторые начитанные прихожане спрашивают у меня: батюшка, если, по Нестору-летописцу, прародителем славян является сын Ноя Иафет, то мы, получается, произошли от евреев? И смех, и грех. Я отвечаю: считайте, как хотите, в любом случае все произошли от Адама.

— Да, но ведь, согласно Библии, ещё не было ни евреев, ни других народов, когда родились Сим, Хам и Иафет, а был “на всей земле... один народ и один у всех язык”.

— Книга “Бытие”, глава одиннадцать, стих первый — шестой.

— Совершенно верно. Завидую такой памяти! Я ещё могу вспомнить цитату, а уж номер главы и стиха — дудки. Родоначальником евреев всегда считался праправнук Сима Евер. “Сыны Еверовы” — сказано о евреях в той же Книге “Бытие”...

— Глава десятая, стих двадцать первый...

— ...а Евер появился на свет через несколько поколений после Иафета. Стало быть, евреи — отдельная ветвь потомков Ноя.

Мы вышли из машины. “Рено” остановился метрах в двадцати от нас. Я был рад, что отец Константин затеял этот разговор об этрусках и венецах, а не стал, например, спрашивать, что случилось со мной вчера после нашего разговора. Лучше показать ему сначала могилу Минцловой, а потом поведать о Лилу и Кирове в зеркале.

Кладбище не казалось таким мрачным, как вчера в сумерках. В свежей, не заплёванной ещё листве наперебой цвиркали птицы. На могильных цветниках сияли, как пасхальные яйца, красные, белые, жёлтые головки тюльпанов. Золотой купол часовни весело блистал в омытой солнцем синеве. Над ротондочкой здания слева от ворот столь же весело, белыми буквами по синему, входящих приветствовала вывеска “Колумбарий”, которую вчера я не заметил впотьмах.

— “В огне этом, о, истлей, В огне этом тот и оный”, — саркастически процитировал священник, отвернулся от колумбария и положил поклон на часовенный крест. — Христос пришёл в мир более двух тысяч лет назад, а язычников, похоже, меньше не стало. Куда дальше? Имейте в виду, что мне здесь находиться долго нежелательно, а то батюшка, что служит панихиды в этой часовне, подумает, что я пришёл у него хлеб отбивать.

— Как-то у вас всё непросто.

— Зато у вас всё просто: чтобы здесь похоронить кого-то, нужно выложить целое состояние. Помереть выходит дороже, чем жить. Вот люди и жгут своих близких.

— Собственно, мы пришли, вот нужная нам могила. Почитайте, что написано на плите, — я указал подрагивающим перстом на надгробье Минцловой.

Отец Константин подошёл и прочитал:

— “Минская Анна Родионовна”. А кто это? Да упокоится с миром, если крещена.

— Какая Минская? Минцлова Анна Рудольфовна! — Я подошёл ближе и прочитал на плите вслед за батюшкой: “Минская Анна Родионовна. 1865–1942”. — Позвольте, как же это?.. — Я был совершенно ошеломлён.

— Минцлова? Это та, о которой я вчера рассказывал? С чего вы взяли, что она здесь похоронена?

— Я прочитал вчера на плите, — упавшим голосом сказал я. — Правда, было уже темновато...

— А кто вам сказал, что это её могила? Та женщина, с которой вы приехали?

— Нет, она хотела показать мне нечто, связанное, как я понял, с загадочной исчезновения этрускологов. Но не сообщила, что. А когда я вышел из её машины, она вдруг развернулась и уехала. Я пошёл сюда и...

Я чувствовал, что объясняюсь на манер булгаковского Бездомного в психбольнице, и понимал, что отец Константин имеет все основания считать точно так же. Но он, к моему удивлению, сделал другой вывод:

— Очень похоже на бесовское наваждение. Это они так с нами играют. Я-то уж знаю, наслушался о подобных вещах на исповеди. — Он задумался. — Тут важно понять, что лукавому нужно от всех вас. Он ведь не просто так цепляется, а за какое-то ваше слабое место.

Тем временем в воротах замаячили Набыченнный и его напарник — высокий худой мужчина в солнцезащитных очках. Бросив на нас быстрые взгляды, они с таким деланным вниманием стали изучать прейскурант колумбария, будто подумывали стать его клиентами.

— Батюшка, давайте поговорим в машине, — шепнул я. — Вон те двое — посмотрите, пожалуйста, не оборачиваясь, — из ФСБ, следят за мной от самой гостиницы. Думаю, не нужно им слышать, о чём мы говорим.

— Вот как? Да они, небось, давно прицепили вам “жучка”, — тоже шёпотом, покосившись на агентов, предположил отец Константин.

— Прицепили, конечно, да я отцепил.

— О, я вижу, вас голыми руками не возьмёшь.

Мы вернулись к “ладе”. В воротах я оглянулся на “хвост”: Худой снимал на смартфон надгробную плиту г-жи Минской, а Набыченнный что-то высматривал внизу, наверное, на предмет тайника. Прежде чем сесть в машину, я обошёл её кругом, внимательно исследовав окна: именно на них, я слышал, крепят “жучки” в расчёте на голосовую вибрацию внутри салона. И точно — в уголке лобового стекла скромно пристроился зелёный древесный “клоп”. Я снял его, на что он, обычно лёгкий на подъём, совершенно не отреагировал, зато в пузе замигало оранжевым. Я осмотрелся и посадил железного клопа на пятнистый ствол платана у ворот.

— Неужели снова “жучок”? — нахмурился батюшка, когда я сел к нему.

— Да, теперь в виде древесного клопа. Прошлый раз была божья коровка. Видимо, у них на вооружении сейчас энтомологическая серия.

Агенты, между тем, боясь нас потерять, быстрым шагом вышли из ворот и поспешили мимо к своей “реношке”.

— А у вас что — есть опыт обнаружения этих устройств? — с подозрением посмотрел на меня священник.

— Никакого, я даже раньше никогда их не видел. Просто первый “жучок” они прицепили неудачно, и я стал бдительней.

— Когда же они его сюда присобачили?

— Как когда? Когда мы вышли из машины и пошли на кладбище.

— Думаете, не раньше?

— Теоретически могли и раньше: я же звонил вам, договаривался о встрече. Только откуда им знать, что мы поедем на вашей машине?

А потом, даже если и раньше, что они слышали? Учёный разговор об этрусках и венацах? На здоровье.

— Да, но всё же неприятно... Следующий раз засунут в такое место, что ничём не догадаешься.

— Увы, нельзя исключить такого. Простите великодушно, что я втянул вас во всё это...

— Бог простит, и я прощаю. Куда мы теперь?

— Поехали, не торопясь, обратно, поговорим по пути. Вы меня очень укрепили тем, что не посчитали сумасшедшим после истории с мнимой Минцовой, поэтому я без боязни расскажу вам, что со мной случилось вчера, начиная со встречи в городе с этой странной женщиной — секретаршей ректора.

И я всё рассказал, упомянув и свои научно-фантастические соображения о пятидесяти витках пространства-времени по Мёбиусу. Напрасно, наверное.

Выслушав, отец Константин некоторое время молчал, сосредоточившись на дороге.

— Вы считаете, всё это мои галлюцинации? — осторожно спросил я.

— Галлюцинации тоже не бывают ни с того ни с сего. Как и в случае с Минцовой. Ведь до этого мы о ней говорили. А скажите, не увлекались ли вы в детстве или отрочестве гаданием в зеркалах?

— Со свечкой, что ли? Пару раз было, как и у всех, наверное. “Раз в Крещенский вечерок...” и так далее. Но чтобы увлекаться — нет. Это ведь девчонья забава. Девчонки меня на неё и подбивали.

— А что подразумевал этот ваш Киров, когда говорил о культуре зеркал у этрусков?

— О, они были непревзойдённые мастера изготовления зеркал из бронзы, наверное, первые в античном мире. Но использовали ли они их в гаданиях, я не знаю. Сцены ворожбы на зеркалах имеются, с обратной стороны. А вообще, этруски гадали по полёту птиц, по печени животных, по ударам молний. Увлекались они этим делом сильно. В переведённой Гриневичем этрусской надписи на камне из города Перуджа есть такие слова: “Ворожат, яростно вой, до изнурения. Дивно: имея природное богатство, возле бездны толкуются в сущей рже её и погибают напрасно”.

— Неплохо сказано.

— Переводы Гриневича много критикуют, но этот верен по сути: даже древние греки с их культом прорицаний ворожили меньше, чем этруски.

— Я вас не случайно расспрашивал об их вере. Какая-то есть связь между ней, гаданиями этими и тем, что произошло. Вот ваш коллега из зеркала интересно сказал: “Мы заразились от них”. Что бы это значило? Вы просто подцепили некий нездоровый этрусский дух? Тогда все должны хворать, кто изучает язычников древности. Но вы говорите, что среди ведунов этруски были самые отъявленные ведуны. А что такое ведовство? Это, как правило, не только попытка узнать будущее, но и повлиять на него с помощью потусторонних сил.

— Вы хотите сказать, что нам аукнулись этрусские гадания?

— Очень может быть.

— А почему — нам, мы же не этруски?

Батюшка засмеялся:

— Разве? Если верить вашему интервью, не исключено, что мы их потомки. Мы, когда докапываемся до разных древних корней, забываем о том, что они языческие.

— Да ведь те, кто гадал, давно уже померли!

— Они-то померли, а как быть с их ворожбой? Это ведь духовное действие, а не физическое. Исчезают ли в духовном мире заговоры, заклинания, проклятья? Или кружат чёрными теньями где-то в безвоздушном эфире над преисподней, пока кто-то ненароком не вызовет их на себя, заговорив об этрусских гаданиях? Вот вы приводили разные надписи — а я, дурак, их повторял, — а вы уверены, что это не заклинания? “Огонь” этот или “Подземный ад”, прости, Господи?

— То есть вы полагаете, что исчезли те, кто оказался в зоне действия этрусской магии? Иными словами, активировали её из пассивного состояния?

— Не полагаю, а предполагаю. Что я, простой смертный, могу полагать о потустороннем мире? Но я всё думаю о том, за какое именно слабое место зацепил вас и ваших коллег диавол. Не отдельно каждого, а вообще. Слабость у всех вас одна: желание узнать о тайнах этрусков больше, чем известно сегодня.

— Допустим. И что же делать?

— Лично вам — причаститься Святых Таин. Другой духовной защиты, помимо молитвы, не знаю. Поедем сейчас в храм, я вас исповедую и причасту запасными Дарами.

— Да ведь я позавтракал! Не говоря уже о том, что не готовился...

— Боюсь, готовиться у вас времени здесь не будет. Ну, а завтрак... Возьму на себя смелость отпустить вам этот грех. Вы, почитай, как на войне. Духовная брань — та же война. Вы крест-то на себе имеете?

— Имею.

— Ну, и хорошо.

* * *

В пустом гулком храме у аналоя в боковом приделе я исповедался отцу Константину, а потом он причастил меня.

— Вот вам молитва против бесов “Да воскреснет Бог...”, — сказал он мне, протягивая листок. — Читайте её всякий раз, как почувствуете искушение или опасность. А я буду молиться за вас. Если потребуется помощь, приходите, звоните. Сделаю всё, что смогу.

— Спасибо, батюшка.

Причастие и впрямь придало мне душевных сил. Я шёл по улице, не испытывая вчерашней подавленности, а, напротив, ощущая стремление что-то изменить, исправить, хотя по-прежнему не понимал, что. Давешний “хвост” всё тянулся за мной, на что я уже не обращал внимания.

Но в проклятом “Аквариуме” мой подъём стал улетучиваться. Начать с того, что теперь двое полицейских проверяли документы у входа в отель, а прямо за дверями была установлена рамка металлоискателя. Характерные типы в штатском торчали у стойки, лифтов и пожарной лестницы. Пройдя через все эти фильтры, до лифта я добрался лишь минут через пять, а в лифте обнаружился ещё один мордоворот. Как всё это могло способствовать поиску этрускологов, я не понимал. Да и никто, наверное, не понимал: просто власть по привычке изображала кипучую деятельность там, где её уже не требовалось.

В номере меня ждала новая неприятность. В моё отсутствие его хорошенечко обшмонали: все вещи были не на тех местах, куда я их накануне положил, а кровать заправляла явно не горничная. С отвращением я заглянул в перерытый чужими лапами чемодан. Господи, зачем это? Что они могли найти здесь полезного для себя? План подземелья, в которое я отвёл делегатов, как Гамельнский крысолов? Или что? Я прошёлся по номеру. Теперь-то наверняка меня не только слушают, но и снимают, а камеры и “жучки” на этот раз хорошо замаскированы. Находиться мне здесь было противно. Пойду в библиотеку, где мне, собственно, и положено быть как делегату, решил я, почитаю там что-нибудь, потом пообедаю, а потом — как Бог даст. В номер вернусь только ночевать.

Однако, когда я направлялся к лифту, меня остановил Набыченный, сидевший, как и давеча, в холле на диванчике.

— Гражданин Лосев, в интересах следственных мероприятий вы не должны покидать отель, — зло сообщил он. Вероятно, переживал потерю второго уже микрофончика. Они ведь, небось, расписываются в ведомости, получая на руки этот реквизит. И я уже, что характерно, “гражданин”! Ну, естественно, никого, кроме меня, у них в этом деле до сих пор нет, так что будут прессовать по полной. Скоро и в камеру с уголовниками посадят.

— А у вас что — есть постановление о моём домашнем аресте? — вежливо осведомился я.

— А вы не под арестом. Но если вы не хотите под него попасть, то должны сотрудничать со следствием в качестве свидетеля. Мы не можем гоняться за вами по всему городу, когда вы нам срочно понадобится.

— И что же? Я должен сидеть в этом непрветриваемом номере и даже не могу спуститься в бар? А как мне обедать?

— В бар, ресторан — можете, и даже по внутреннему саду погулять, но под нашим наблюдением.

— Вот спасибо, уважили! А скажите: если у вас нет ордера на меня, то на основании чего вы произвели обыск в номере?

— Я ничего не производил.

Возразить мне было нечего — ведь он и впрямь таскался за мной в собор, а потом на кладбище.

Я пошёл дальше. Мне не нужен был ни бар, ни бамбуковая роща в саду камней, но я не знал, куда ещё деваться. Набыченный, между тем, кого-то вызывал по рации: докладывал, очевидно, что я иду.

И тут произошло нечто похожее на вчерашнее. Зеркало в лифтовом фойе не отразило ничего, когда я миновал его. Я кинулся к нему. Там, в глубине, не было ни Кирова, ни вообще никого — то же самое фойе, только без меня. Поверхность зеркала как бы слегка ходила волнами. Сердце забилося чаще. А ну, как я смогу пройти на этот раз? Собственно, есть ли у меня другой шанс что-то изменить, не попытавшись попасть в один из соседних миров? Этот-то ведь тоже ненастоящий, для меня, по крайней мере, но я тут один, а там хоть есть Киров. Здесь меня скоро посадят под замок, лишив всяких шансов вернуться в подлинную реальность, а там я буду *нашедшимся* делегатом. Но всё равно как-то страшновато. Я вынул из кармана листок отца Константина и стал шепотом читать:

— Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его...

В коридоре послышались шаги. Наверное, Набыченный идёт — посмотреть, поехал ли я вниз. Я ткнул пальцем в зеркало, и он провалился в пустоту. Путь свободен! Я занёс ногу и без препятствий перешагнул раму. Теперь одна моя половина стояла на земле, а другая пребывала в каком-то космосе. Или на том свете. Шаги приблизились к фойе, ручка двери пошла вниз... Я перекинул в зазеркалье и другую ногу. Ничего не произошло. Я стоял в точном таком же лифтовом фойе, какое только что покинул. Оглянувшись посмотреть, чьи же это были шаги в коридоре, я увидел только свою растерянную физиономию в зеркале. Портал уже затянуло амальгамой. И теперь бесполезно размышлять: зря, не зря. Нужно принимать то, что есть.

Однако куда же мне теперь? На лифте вниз или обратно в номер? Если *здесь* он мой. Впрочем, можно проверить. Я шагнул в коридор и оторопел. Никакого коридора не было. Я стоял в огромном, светлом, теряющемся над головой зале, сплошь увешанном зеркальными рамами разных форм. Точнее, трудно было сказать, что они на чём-то висели, ибо стен как таковых тоже не было. Рамы выступали из светящейся пустоты, напоминая аквариумы с электрической подсветкой. Из ближайшего ко мне зеркала доносился шум разговора, звенели бокалы. Я подошёл, отметив про себя, что пол или некая твердь имелись. В зеркале показывали цветное кино: раззолоченный кремлёвский зал, длинный стол под белоснежной скатертью, сияющий хрусталём и фарфором, и заставленный обильными угощениями, а за столом — Сталин, Молотов, Ворошилов, Микоян, Каганович, Берия и ещё какие-то деятели. Что это — “Пыры Валтасара” Искандера? Мои ноздри защекотали запахи вкуснейшей еды. Осетрина, жареный молочный поросёнок, шашлык, цыплята табака... Обонятельное кино, 10 или сколько там D? Или это не кино?

Сталин, между тем, разгладив большим и указательным пальцами усы, обратился к своему соседу, курносому улыбчивому мужчине лет сорока с зачёсанными назад жидкими волосами.

— Каковы происхождение и язык вашего народа? И не близок ли ваш народ к баскам? Не верю, чтобы албанский народ был выходцем из Центральной Азии; он и не турецкого происхождения, ведь албанцы древнее турок. Быть может, у вашего народа общие корни с теми этрусками, которые остались в ваших горах, потому что другие, которые ушли в Италию, частично были ассимилированы римлянами, а частично перебравшись на Иберийский полуостров?

И здесь — этруски! Я наострил уши.

Курносый подождал, когда сидящий рядом толмач переведёт слова Сталина, и ответил — через своего переводчика:

— Происхождение нашего народа, товарищ Сталин, очень древнее, а язык его — индоевропейский. Имеется много теорий об этом вопросе, однако правда такова, что мы приходим от иллирийцев. Мы — народ иллирийского происхождения. Имеется ещё теория, выдвигающая положение о том, что албанский народ является самым древним народом Балкан и что древними, догомеровскими предками албанцев являются пеласги. Теория о пеласгах развивалась многими учёными, особенно немецкими. Они ссылаются на некоторые слова, употреблённые в “Илиаде” и “Одиссее” и употребляемые и поныне албанским народом, как, например, слово “гур”, что по-русски означает “камень”. Гомер это слово ставит перед греческим словом и говорит “гури-петра”. Значит, можно предположить, что нашими древними предками были пеласги, которые ещё до греков заселяли Балканский полуостров. Во всяком случае, товарищ Сталин, я не слышал, чтобы албанцы были одного и того же происхождения с басками. Может, существует и такая теория, наподобие той, о которой вы говорили, что часть этрусков осталась в Албании, другая переселилась в Италию, а третья оттуда перебравшись на Иберийский полуостров, в Испанию. Быть может, у этой теории также есть свои сторонники, однако я не в курсе неё.

Я понял, кто этот улыбчивый мужчина — знаменитый Энвер Ходжа, вождь албанских коммунистов. Значит, они ещё при Сталине активно продвигали свою “иллирийскую теорию”! И “пеласгийскую”, оказывается, тоже! Что характерно: доказательств обеих теорий с тех пор имеется ровно столько же, сколько в словах Ходжи, человека с неоконченным высшим образованием, но об “иллирийской” теперь на Западе размышляют, как о чём-то вполне допустимом. А вот праславянская теория происхождения венетов и этрусков, хоть и разработана куда более основательно и подкреплена лингвистическими исследованиями, сходу отвергается как “ненаучная”. Всё это я отметил чисто автоматически, по привычке, не вспомнив о том, где я нахожусь и что люди, которых я вижу, давно лежат в могиле.

— У нас на Кавказе, в Азербайджане, имеется местность, которая называется Албания, — сказал Сталин. — Имеет ли это отношение к вашей Албании?

— Я этого не знаю, товарищ Сталин. Но это факт, что многие албанцы в течение веков, вследствие жестокого османского ига, войн и походов османских султанов и падишахов, часто были вынуждены покидать свои родные края и переселяться на чужбину, образуя целые деревни — в Южной Италии, Греции, Турции, Румынии, Болгарии, Америке. Однако о вашей местности, которая называется “Албания”, ничего конкретного не знаю.

— Сейчас выясним.

Сталин нажал кнопку в столешнице, и в зал вошёл высокий подтянутый генерал.

— Мы с товарищем Энвером Ходжа бьёмся решить задачу, но не можем её решить, — улыбаясь, обратился Сталин к генералу. — Свяжись, пожалуйста, с профессором Державиным и спроси его от меня, имеется ли какая-нибудь связь между кавказскими албанцами и Албанией.

— Слушаюсь, товарищ Сталин. — Не выказав никакого удивления поручением, генерал щёлкнул каблуками и бесшумно удалился.

Сталин, между тем, взял из вазы апельсин, высоко поднял его и сказал Ходже:

— По-русски называется — “апельсин”. А по-албански?

— Портокал, — сразу, не дожидаясь перевода, ответил Ходжа.

Сталин засмеялся. Жёлтые глаза его стали хитрыми.

— И по-грузински, товарищ Ходжа — “портокал”! Точнее, “портока-ли”! — Он был явно доволен собой, что так угадал с апельсином. — Анастас Иванович, — повернулся Сталин к Микояну, — ты знаешь азербайджанский. Как у них называют апельсин?

Микоян поднял свой длинный нос от тарелки.

— Портагал. А турки — портакал.

Тут удивился уже Сталин:

— У всех — “портокал”?! Ещё три народа называют так апельсин, и все они живут на Кавказе! Это что — турецкое влияние или и впрямь близость языков? А как, товарищ Ходжа, по-албански звучит “народ”?

— Ньерёзит.

— А “человек”?

— Персонин.

— Чем-то итальянским отдаёт, — заметил Сталин.

— Ещё у нас говорят: “ньё ньери”.

— А как “хлеб”?

— Бука.

— Почти что булка. А “жена”?

— Груа.

— А “муж”?

— Бурри.

Микоян пошевелил щеточкой чаплинских усов:

— По-азербайджански “муж” будет — “бир-эр”.

— Похоже, — кивнул Сталин. — А “земля”? — продолжал допытываться он.

— Токэ.

— А у нас говорят “ток” про место, куда свозят скирды жита, а потом обмолачивают, — заявил седой, с коротко подстриженными висками Ворошилов.

— Тоже ведь земля, — согласился вождь. — А “дар”?

— Пешкеш.

— Нет, — покачал головой Сталин. — Нет! “Пешкеш” — это не по-албански, а по-турецки! — Он снова засмеялся, широко раздвинув улыбкой усы. — Кажется, товарищ Энвер, всё же не исключена связь между кавказскими албанцами и вами! Но вот какая — вопрос!

Тут снова вошёл генерал, отправленный звонить профессору Державину.

— Разрешите доложить, товарищ Сталин? Я получил ответ от профессора. Он сказал, что нет каких-либо данных, которые говорили бы о связях между кавказскими албанцами и Албанией. Но, добавил он, на Украине, в Одесской области, имеется несколько деревень, около семи, заселённых албанцами. Об этом у профессора точные данные.

Для Ходжи, только что благополучно отделавшегося от неведомых и совершенно ненужных ему азербайджанских сородичей, обнаружение новых земляков на Одессине явно стало неожиданностью. Поначалу он, видимо, не знал, что сказать по этому поводу, а потом нашёлся:

— Здесь присутствует наш посол, и я, товарищи, не откладывая, поручаю ему позаботиться о том, чтобы те из наших студентов, которые учатся в Советском Союзе на историков, проводили практику в этих деревнях и изучили, как и когда эти албанцы переехали в Одессу, сохраняют ли они язык и обычаи своих предков, и так далее.

Сталин едва заметно шевельнул бровью, опустил глаза. Вероятно, у него были несколько иные взгляды на свободное перемещение иностранных студентов по стране, да ещё без его санкции. Однако возражать он не стал:

— Очень хорошо. Пусть ваши студенты проведут практику там, причём вместе с нашими. Не возражаете?

— Что вы, что вы, товарищ Сталин! Албанские студенты будут счастливы!

Сталин вытащил трубку и набил её табаком из лежавшей перед ним коробки папирос “Казбек”. Он отрывал от папиросы длинный полый мундштук,

а гильзу перетирал между пальцами, ссыпая в трубку желтоватые волокна.

— Учёным предстоит ещё выяснить историю происхождения албанцев, — закурив, объявил он. — Вы особый народ, как и персы, и арабы, у которых одинаковая с турками религия. Но ваши предки, по-видимому, существовали ещё до римлян и турок. Вопрос о религии не имеет отношения к национальности и подданству. Скажите, а каков национальный состав албанского народа? Имеются ли сербские и хорватские меньшинства в Албании?

— Подавляющее большинство нашего народа, — сообщил Ходжа, — составляют албанцы, но имеется и греческое национальное меньшинство, приблизительно двадцать восемь тысяч человек, и совсем мало македонцев, всего пять небольших деревень, а сербов и хорватов нет.

— Но албанцы живут, насколько я знаю, в Сербии и Хорватии?

— Больше всего их в Косово, около миллиона. Однако Косово и другие заселённые албанцами края Югославии — это албанские земли, которые великие державы несправедливо отняли у Албании; они принадлежат Албании и должны быть нам возвращены. Теперь, когда и мы, и Югославия — социалистические страны, существуют условия для правильного разрешения этого вопроса. Я говорил об этом Тито при встрече, и он ответил: “Я согласен, мы этого хотим, но до поры до времени ничего не можем сделать, ибо сербам это трудно понять. — Если они не понимают этого сегодня, — сказал я, — то они должны понять это завтра”.

“Вот и причина проталкивания “иллирийской теории” происхождения албанцев! — усмехнулся я. — Дескать, мы здесь жили ещё задолго до вас, а значит, это наша земля!”

Выслушав, Сталин внимательно посмотрел на Ходжу.

— Мы марксисты-ленинцы, товарищ Энвер, и никак не должны вмешиваться во внутренние дела Югославии. Это было бы не по-марксистски. Вопрос этот следует рассмотреть югославским коммунистам и югославскому народу; им решать дела сегодняшнего и будущего своей страны. В этих же рамках рассматриваю я и вопрос Косово, как и остального проживающего в Югославии албанского населения. Мы ни в коем случае не должны дать повод обвинять нас в том, будто мы стремимся к распаду Югославской федерации. Это щекотливый момент, и к нему нужно подойти очень осторожно.

— Да, товарищ Сталин, — согласился Ходжа, но уже без привычной своей улыбки. — Однако мы, со своей стороны, никак не вмешиваясь во внутренние дела Югославии, никогда не перестанем поддерживать права своих кровных братьев, проживающих там.

— Это ваше право. Но — в рамках существующего между нашими партиями и странами пролетарского интернационализма.

“Если Сталин говорит “наши партии” и не ругает Тито, — отметил я, — значит, это всё происходит до разрыва отношений в 1948 году”.

Ходжа выглядел несколько разочарованным: вероятно, ожидал от Сталина большей поддержки своей позиции по Косово. Сталин слегка улыбнулся в усы и поменял тему:

— Сколько вероисповеданий в Албании? — поинтересовался он. — И на каких языках у вас говорят?

— В Албании три вероисповедания — мусульманское, православное и католическое. Все верующие принадлежат к одной нации — албанской, поэтому и единственный язык, на котором у нас говорят — албанский, за исключением греческого, на котором говорит их национальное меньшинство.

Сталин поглядел на стоявшее перед ним блюдо с молочным поросёнком и задал неожиданный вопрос:

— Вы, товарищ Энвер, кушаете свинину?

— Да, — несколько замаявшись, ответил удивлённый Ходжа.

Сталин сделал знак официанту, чтобы тот проложил албанскому гостю кусок поросятины.

— Мусульманская религия запрещает это своим верующим, — сказал он таким тоном, как будто Ходжа этого не знал. — Старинный обычай, который отжил свой век. Угощайтесь, пожалуйста! Тем не менее, надо иметь в виду вопрос о вероисповедании и вести себя очень осмотрительно, ведь

нельзя пренебрегать религиозными чувствами народа. Эти чувства насаждались веками среди людей, так что нужно действовать очень трезво, ибо отношение к этому вопросу важно для сплочённости и единства народа.

Сталин оглядел собравшихся и, сверкнув золотом широких генералиссимусских погон, поднялся с фужером вина в руке:

— Предлагаю тост за героический албанский народ! За доблестные Албанскую и Советскую армии! Передайте, товарищ Ходжа, мой сердечный привет героическому албанскому народу, которому желаю успехов!

Под высокими сводами зазвенел содвинутый хрусталь, а Ворошилов воскликнул: “Ура!”

— А теперь, товарищи, — сказал Сталин, — приглашаю вас пойти в кино. Сегодня нам покажут художественную картину “Богатая невеста”. Я попросил также подготовить для вас несколько цветных документальных фильмов о жизни в Советском Союзе.

Загremели стулья, народ стал подниматься. В это время я поймал на себе змеиный взгляд зобастого Берии. Я вспомнил, что стою в раме зеркала, которое, как и давешнее зеркало в фойе, ничего не отражает, зато я в нём виден, как если бы стоял у простого окна. Узрели же мы друг друга а Кирова. Берия, поблескивая очками, посмотрел направо и налево от себя — ища, видимо, странно одетого человека, отразившегося в зеркале. “Нет, — сказал я себе, — если я не хотел связываться с господином Румяновым в покинутой реальности, то тем более не хочу связываться с товарищем Берией в этой”, — и отступил за пределы рамы.

Снова надо мной распахнулись своды висящего в пустоте зала. В каждом зеркале, как на экранах телевизоров в магазине электроники, мелькало какое-то движение, цветная чехарда. Я понимал уже, что могу войти в любое, но не знал, зачем мне это нужно. В нерешительности я подошёл к “окну” по соседству с кремлёвским и увидел длинный узкий коридор, по которому уходили от меня люди с сумками и портфелями. Стенки коридора были из стекла, я пригляделся: там самолёты... лётное поле, окаймлённое взвихренными южными тополями... Ага, это труба-гармошка, по которой идут из аэропорта в самолёт, а аэропорт, судя по топлям и невеликим размерам взлётного поля, — южноморский, на который я прилетел три дня назад. А какой, интересно, это рейс и куда он прибывает? Может, московский? Вдруг в кадр выплыла сутуловатая спина Кирова. Так это что — этрускологи? Точно — этрускологи! Вот дама, из МГУ, кажется, сидевшая позади меня в автобусе в день прилёта. Вот делегат-итальянец в отличном костюме в полоску. Этот коридор, надо полагать — окно в ту реальность, где конференция уже закончилась и никто не исчезал. То, что мне надо! “Ни в одном из этих зеркал нет того, чего тебе надо”, — сказал кто-то внутри меня голосом доцента Колюбакина. “Да, — ответил ему я, — но я же зашёл в это зазеркалье, и было бы странно в нём просто зависнуть. Тогда нужно возвращаться назад, а что там меня ждёт? И насколько эта реальность ирреальнее той, в которой я оказался в “Аквариуме”?” В “рамку” вошли двое мужчин, которые вспоминали о банкете: “...А после банкета меня ещё позвали в ресторан, мы там хорошо добавили, и сегодня, сами понимаете...” — донеслось до меня. Банкет! Точно, конференция у них там прошла! Они возвращаются в Москву! И я могу к ним присоединиться! А посадочный талон? Но ведь здесь, в “гармошке”, он уже не нужен, стюардессы на него смотрят только затем, чтобы направить пассажира на его место. Разве можно не использовать такую возможность? Ведь если бы “окно” находилось перед стойкой проверки билетов, в “накопителе”, тогда бы ты ни за что не прошёл! А оно находится за стойкой! Это ли не знак? Вперёд!

И я вошёл в “трубу”. В этот раз я даже ничего не перешагивал: когда я приблизился к “зеркалу” вплотную, оно разом словно высосало меня в себя, как мы пьём кисель, только что не чавкнуло. Один миг — и я уже шёл со всеми по “гармошке”. Впереди зияла распахнутая дверь “эйрбаса”. “Southwind Airlines” — было написано на ней, “Южный ветер”. Понятно, здесь ещё “Зюдвинд” не обанкротился. А вдруг не будет свободных мест? Да нет, на таких рейсах всегда бывают, сезон отпусков ещё не наступил.

Во всяком случае, когда летели в Южноморск, пустые кресла сзади имелись. Вот туда-то, назад, я и пойду. “Мне в конец”, — улыбнулся я стоявшей в тамбуре стюардессе, и та согласно кивнула. Я медленно двинулся по проходу, пережидая, когда пассажиры впереди устроят свою ручную кладь.

— Борис! — вдруг окликнули меня слева.

Я повернулся на голос — это был Киров, уже сидящий в среднем кресле. Вид он имел не очень весёлый — как и во время первого полёта.

— А мы вас потеряли! Думали уже, без вас полетим! Вас объявляли по трансляции в аэропорту! Куда вы исчезли после своего доклада?

Я остановился, озадаченный. Вот как? Значит, есть и такой вариант, где исчез только я? Сколько же их, этих вариантов?

— Я не исчезал, — наконец, ответил я, — просто решил всё-таки посмотреть город, немного заплутал.

— А почему же ваш телефон молчал?

“Потому что в этом лабиринте нечистая сила не обеспечила ещё мобильную связь”, — подмывало меня сказать, но я лишь пожал плечами:

— Наверное, батарейка села.

— Уважаемый, вы будете проходить? — толкнул меня сзади чемоданчиком мужчина, опознанный мной как этрусколог. — Из-за вас вылет чуть не задержали, а теперь вы в проходе стоите.

— Да-да, извините. — Я двинулся дальше.

— А не хотите рядом со мной? — предложил вслед мне Киров. — Какое у вас место? Можем попросить поменяться.

— Да ничего, не беспокойтесь, посижу на своём, — буркнул я, ускорившись. Покорнейше благодарю, держать тебя весь полёт за потную руку! А потом — как меняться, если нет посадочного талона с местом? То есть, место-то, наверное, для меня забронировано, но вот где оно?

В последнем ряду, справа, аккурат у туалета, имелись только два кресла и оба пустые. Там-то я и устроился, у окошка. “Будут выгонять, пересеяду на другое, ещё раз выгонят, снова пересеяду — и так до тех пор, пока не окажусь на своём месте. А если подойдёт стюардесса и спросит посадочный талон? Скажу, что обронил где-то. Меня по трансляции вызывали, стало быть, я не заяц”.

Глядя в иллюминатор на неспешную аэропортовскую жизнь, я задумался. А ведь, на самом деле, мне не мешало бы сесть рядом с кем-то из этрускологов и косвенными вопросами осторожно выведать, была ли в этой реальности ситуация, когда портье почему-то не зарегистрировал делегатов, и они покинули отель. Или, напротив, там не регистрировали только меня? Нет, я делал доклад, судя по словам Кирова, а значит, хотя бы первую ночь провёл в “Аквариуме”. А почему ты думаешь, что именно в “Аквариуме”?

Ко мне на задний ряд никто не приходил, кроме стюардессы, которая, дежурно улыбнувшись, проверила, надёжно ли закрыта крышка багажной полки и попросила меня пристегнуть ремень. Потом в проходе начался театр кислородных масок и спасательных жилетов в исполнении стюардесс. Мои мысли приняли неожиданный оборот: “Что-то не так. Я чужой в этом мире. Согласно подобным сюжетам, я должен, оказавшись в новом измерении, разом забыть то, что было со мной в параллельном, но “вспомнить всё”, что происходило со мной в здешнем до посадки в самолёт. Эта реальность, конечно, посложнее книжной, однако и то правда, что для каждого потока времени требуется своё пространство. Здесь же, в этом самолёте, сошлись два автономных потока. Один неизбежно должен вытеснить другой — и, скорее всего, именно мой, ведь он не поток даже, а ручеек по сравнению с рекой, что влилась в этот “эйрбас”. Однако как это будет происходить на практике? Меня всё-таки выставят из самолёта?”

Между тем уже запустили двигатели для выруливания на взлётную полосу, а меня по-прежнему никто не трогал. “А что, собственно, мне известно о свойствах времени в таком искривлённом пространстве? Да ничего. Амнезия пресловутая — это что такое? Только утрата памяти или попадание из одного потока времени в другой?”

“Эйрбас” не спеша катил по рулёжной дорожке, потом остановился. Нескольким минут ожидания... И вот, наконец, турбины взвыли, засвистал снаружи ветер, побежала назад серая полоса асфальта наперегонки с зелёной полосой травы, замелькали вышки, будки, самолёты, ангары, топливозаправщики... Тополя замахали руками, прощаясь. Нарастало томительное ощущение потери соприкосновения с землёй. “Эйрбас”, разгоняясь, словно наливался её тяжестью, пока под днищем что-то не оборвалось, и понеслась пустота. Мир качнулся и пошёл вниз. Косой макет аэропорта остался лежать в зелёном поле, разлинованном взлётными полосами, его разом обступила степь с ветвящимися по ней балками, слева набежала толпа домов, хаотичная в предместье и выстраивающаяся в шеренги ближе к центру. Аэропорт с диспетчерской вышкой пропал, как будто его не бывало, внизу лежал город Южноморск, разрезанный узкой тёмной щелью бухты, которая светлела, расширяясь к морю. Мгновение — и оно уже заполнило собой весь горизонт, навалилось молодой грудью на старый, морщинистый берег. Вдруг над обрывом сверкнули на солнце два стеклянных кубика. Что-то помстилось в них знакомое... Да это же “Аквариум”! И то ли солнце превратило его крошечные грани в увеличительные линзы, то ли примерещилось мне на секунду, но увидел я, словно сквозь крышу, игрушечные коридоры, двери, комнаты, холлы, лестницы, лифты, фойе, зеркало, а в зеркале — теряющийся в бесконечности зал, в котором я стоял ещё недавно... Одно из “окон” его, казалось, светилось сильнее, и вдруг мелькнуло в нём серебристое крыло самолёта.

Я даже не успел подумать: “Не нашего ли?” — как всё пропало: и картинка, и кубики “Аквариума” внизу — и осталось только море, охваченное со всех сторон небом. Мы неуклонно поднимались ввысь, поверхность воды из платиновой стала оловянной, подёрнулась дымкой, в иллюминаторе запорхали раздёрганные пряди облаков, как первый снег, поначалу редкий и крупный, а потом начинающий валить стеной. Так и облачная вата становилась тем плотнее и гуще, чем выше “эйрбас” забирался в небо. Вскоре закрыла она и солнце, только золотистый ободок по краю туч напоминал о нём.

Самолёт начало потряхивать, как всегда в облаках. Дурацкие мысли о свойствах времени и пространства не покидали меня. “А вот, скажем, мой чемодан: он остался в том времени в отеле или в этом я сдал его в багаж и в Москве благополучно получу? Но если так, то где мой посадочный талон? По всей видимости, мой двойник всё же не регистрировался на рейс — иначе его бы не вызывали по трансляции в аэропорту. В той реальности я исчез сразу после доклада, а значит, в первый день конференции. И вместо пропавшего Лосева-2 в самолёте появился Лосев-1 без чемодана и воспоминаний о последних двух днях второго. Бог с ним, с чемоданом, ничего в нём, кроме планшета, ценного не было, вопрос в другом. Я как личность в новой ипостаси существую, а существует ли в прежней чемодан? Он там лежит себе, как ни в чём не бывало, когда я сижу здесь? Я и мои вещи разбежались во времени?” Почему-то именно это казалось мне непостижимым, а не то, как раздвоились во времени и пространстве 49 этрускологов, в первом варианте исчезнувших, а здесь имеющих в наличии...

За окном было всё темнее и темнее, а тряска усилилась. К ней добавились тошнотворные зависания в воздушных ямах, когда сердце и желудок обрывались и падали вниз. Внезапно по сумеречному салону пробежал, как молния, голубой свет. Тотчас я понял, что это и была молния, потому что в иссиня-чёрном подбрюшьи облаков так же длинно сверкнуло — словно трещина по стеклу иллюминатора прошла.

Гроза! Взлетев ясным солнечным днём, мы сразу воткнулись наверху в кучевые облака, а потом в грозовой фронт. Раскаты грома здесь звучали, как отдалённая артиллерийская пальба, а вспышки молний в тучевых громадах казались разрывами снарядов при беглом огне. “Эйрбас” ещё выше задрал нос, стараясь перепрыгнуть через грозу. Самолёт затрясло сразу во всех направлениях — и по вертикали, и по горизонтали. Может, и по диагонали. Мои руки на подлокотниках ходили ходуном, а зуб на зуб именно что не попадал — точно, как в поговорке про замерзающего человека. Вскоре и голову держать прямо мне стало трудно, она дёргалась, словно на меня напала падающая. А со стороны, наверное, я напоминал человека на электрическом

студе. Впервые я осознал утлость этого “эйрбаса”, столь монолитно смотревшегося на земле: он скрипел всеми своими переборками и заклёпками и вольно ходил во всех сочленениях. Чудилось — ещё немного, и они посыплются. Спереди неслись испуганные возгласы. Очередная воздушная яма оказалась столь затяжной, что меня чуть не вывернуло. Когда же отвратительное ощущение невесомости в кишках прошло, я, скорее, ощутил, нежели понял, что мы уже не летим вверх. Мне показалось даже, что нос лайнера пошёл вниз. И в этот самый миг кто-то крикнул: “Пожар! Пожар! Слева!” Я глянул в окошко: из подвешенной к крылу турбины вырывался мощный сноп огня, будто из сопла ракеты. И тут мои вялые размышления о непостижимом разделении во времени меня и моих вещей обрели, наконец, логический итог. Если один поток времени в самолёте должен был вытеснить другой, то вытеснить следовало меня. Лайнер просто не мог приземлиться со мной. А из-за меня обречены погибнуть остальные. Хотя в этой истории, во всех её вариантах, обречены исчезнуть все — и я, и учёные. Не мытьём, так катаньем, не на земле, так в воздухе. “Ни в одном из этих зеркал нет того, чего тебе надо”, — вспомнил я.

Теперь самолёт не просто шёл носом вниз, а падал, как камень. Колоссальные снежные горы таяли, проносясь мимо иллюминатора, в плотной вате облаков появились разрывы, сквозь которые победоносно прорывалось солнце. Салон выл и визжал на все голоса. Пляшущими чёртиками выпали из верхних панелей маски. Что-то кричал по трансляции капитан, но я не разбирал из-за воплей. Мимо меня, разинув рот, пролетела по воздуху стюардесса с длинными красивыми ногами: видно, хотела выйти из кухни к пассажирам в салон, да утратила сцепление с полом. Где она там упала, я уже не видел — в глазах потемнело. Я схватился за уши — невыносимая боль пронзила их. “*Бесовское наваждение*”, — отчётливо сказал кто-то внутри меня голосом отца Константина. Бесовское? Так он же мне молитву против бесов дал! Где молитва? В кармане где-то, да разве сейчас сыщешь? И я забормотал то, что помнил: “Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут...”

И всё исчезло.

* * *

Очнувшись, я увидел, что по-прежнему сижу в кресле самолёта. Болтавшейся перед лицом маски не было, двигатели ровно гудели. Уфф! Слава Богу! Проскочили! Помогла молитва! А что там с горевшим мотором? Я повернулся к иллюминатору, но вместо него обнаружил проход. Что-то было не так. Я теперь сидел в правом ряду, где было три кресла, а не два, как раньше, до обморока. И тогда я сидел один, а теперь имел справа двух соседей — девушку и дородного мужчину у окошка, причём девушка показалась мне знакомой. Приподнятые тонкие скулы, выщипанные брови, длинные накладные ресницы, сиреневая помада... Так это что — Лилу? С сиреневыми губами и ноготками вместо лиловых? Девушка почувствовала мой взгляд, повернула голову, длинно посмотрела мне в глаза. Ведьмины очи! Точно, Лилу. Я молчал, не в силах отвести взор.

— Вам что-нибудь нужно? — холодно осведомилась она.

Я пожал плечами. Что мне нужно? Мне нужно было выжить, и я выжил. Остальное — ерунда. Но откуда и, главное, зачем в самолёте появилась роковая Лилу? При посадке я её не видел.

— Вы меня не узнаете?

— А мы знакомы?

— Виделись в Южноморске, — уклончиво ответил я, понимая, что в этом зазеркалье мы могли и не видеться.

— А вы были в Южноморске?

“Как же не быть, если мы оттуда летим?” — хотел сказать я, но тут краснолицый, щекастый, с короткой толстой выей мужчина потянулся ко мне через Лилу:

— Проснулись? Борис Сергеевич Лосев, если не ошибаюсь?

— Да.

— А я Павел Трофимович Стригунов, ректор Южноморского университета. А это — Ольга Витальевна Глазова, молодой учёный, моя помощница.

Я невольно разинул рот, а потом справился с собой и вяло ответил на рукопожатие Стригунова. Ректор! Почитай, вернулся с того света! С такой апоплексической шеей после инсульта не восстанавливаются! Впрочем, кто сказал, что в этом потоке времени у него был инсульт?

— А вам известно, Борис Сергеевич, что, когда ко мне обратились с просьбой порекомендовать кандидатуры на участие в конгрессе, я назвал и вас?

— Да, спасибо, — пробормотал я, кивнув. Пропади он пропадом, ваш конгресс! Меня сейчас больше занимала мысль, как я оказался в их ряду, а прямо спросить было неловко. Ведь я же не пьян, чтобы такое забыть.

— Ваша книга — серьёзный вклад в венетологию, хотя вы, как я понял, не историк. Не знаю, что вы скажете о венецах в своём докладе, но, думаю, он вызовет на конгрессе если не сенсацию, то скандал.

Не знает? Но я же выступал, по словам Кирова! И как я могу ещё что-то сказать, если конференция завершилась? Да и тема моя — не венецы, а этруски. И почему он говорит “конгресс”, а не “конференция”? Существенной разницы, конечно, нет, но... И тут я увидел слово “конгресс” на шапке какого-то документа, торчащего из пластиковой папки на коленях госпожи Глазовой.

— Это у вас программка, Ольга Витальевна? — поинтересовался я. — Не позволите взглянуть?

— Пожалуйста.

“Международный конгресс венетологов (Венеция, Италия)”, — прочитал я в заглавии, не веря своим глазам. Вот оно как, значит... Венеция... Значит, молитва перенесла меня из гибнущего самолёта в другой, и летит он уже не в Москву... Разветвлённый лабиринт “Аквариума” втягивает меня всё глубже... “Я не могу быть в ответе за происходящее, потому что я не более, чем корабль в пустоте”... Венеция? Ну что ж, слетаем на халяву в Венецию. “Ты уже слетал на халяву в Южноморск”, — сказал мне давешний голос с издевательскими интонациями Колобакина. Я словно отрезвел. А что я буду делать в венецианском аэропорту без загранпаспорта? Зависну навечно в зоне прилётов? А может... Дрожащими руками я полез во внутренний карман и тут только заметил, что пиджак на мне другой, светлый — не тот, что в Южноморске. Натщупал пальцами плотную корочку паспорта, вытаскил. Точно, заграничный. Посадочный талон из него торчит. А шенгенская виза? Полистал, и виза есть: “VISTO stati Schengen”. Похоже, на этом витке аквариумной ленты нет противоречащего закону сохранения материи разделения меня и моих вещей во времени. А стало быть, можно надеяться, что в Венеции мы сядем. Однако здесь я тоже не помню, что предшествовало моей посадке в этот самолёт. Я — по-прежнему Лосев-1, находящийся на месте Лосева-3.

— Всё в порядке? — спросил наблюдающий за моими манипуляциями с паспортом Стригунов.

— Да-да, — пробормотал я. — Вечно засуну куда-нибудь этот паспорт, потом ищу...

— Заинтересовала меня тема вашего доклада, — указал на программку ректор: — “К вопросу об альтернативной расшифровке Птуйской надписи”.

Вот как — Птуйская надпись? Одна из тех коротких древних надписей, которые я ничтоже сумняшеся перевёл — вслед за Эфестийской и Графенштайнской? Ну, тут я в теме, даже если не найду в своём багаже доклада, который должен прочитать на этом конгрессе. Хобби у меня такое — расшифровывать короткие надписи. На длинные знаний не хватает.

— Не утолите ли естественное любопытство — хотя бы кратко: что же это за надпись такая?

У меня, в моём нынешнем взбаламученном состоянии, не было никакого желания утолять его любопытство. Но тут я подумал, что потренироваться перед грядущим выступлением мне, вообще-то, не мешало бы: ведь я не

знал, имею ли на самом деле текст доклада. А бекать и мекать на этом конгрессе мне не хотелось бы — даже в параллельной реальности.

— Что ж... Предыстория такова: я надпись, нацарапанную на камне, нашли в 1894 году в словенском городе Птуй, который в древности назывался Петовио. Датируется примерно вторым веком до нашей эры. Выполнена она северноэтрусским алфавитом и читается справа налево. Я могу даже воспроизвести её по памяти — в ней всего пятнадцать знаков. Не дадите ли мне бумагу и ручку?

Лилу протянула мне фломастер, а потом, покопавшись у себя в папке, вытащила и чистый листок. Я вывел крупными буквами:

— Немного коряво, конечно, но надпись сама по себе корявая. В начертании латиницей получается какая-то абракадабра.

Я написал:

“ARTEBUDZBROGDUI”.

— Попробовали расшифровать с помощью этрусского языка, — точнее, того, что знали о нём, — не получилось. Перешли на латынь и древнегерманские диалекты — тоже не складывалось ничего внятного. В таких случаях немцы (а Птуй был тогда на территории Австро-Венгрии) используют одну и ту же палочку-выручалочку — кельтский язык, благо, его никто не знает. Здесь у них якобы что-то начало вытанцовываться. ARTEBUDZBROGDUI они интерпретировали как два личных имени: Artebudz “сын” Brogduos. Причём Artebudz, прошу прощения у Ольги Витальевны, переводили как “пенис медведя”.

— Кошмар! — деланно возмущилась Лилу, усмехнувшись сиреневыми губами.

— Эта пикантная расшифровка основана, очевидно, на том, что “artos” по-кельтски — медведь. Ну, конечно же, не может быть никаких сомнений, что кельты считали за честь именоваться “пенисом медведя”! Имя же Brogduos, по мнению представителей “немецкой исторической школы”, содержит элемент brog-, mrog-, что означает “страна”. Существует и альтернативная версия перевода: якобы пресловутый Artebudz сделал что-то Brogduos’у или просто адресуется к нему. “Юстас—Алексу”, в общем. Согласитесь, не впечатляет. Взяли, но мудрствуя лукаво, разделили надпись на две части и решили, что обе — имена. Ну, а поскольку таких имён никто не слышал, предположили, что они кельтские. Вот и вся недолга. Причём вопрос о том, использовали ли кельты этрусский алфавит, оставили за скобками. Ну, а если подойти к разбивке Птуйской надписи на отдельные слова более изобретательно?

Я разделил латинский текст вертикальными цезурами на четыре части: “ARTE| BUD| Z| BROGDUI”.

— Разбивая таким образом, я, естественно, исходил из того, что надпись сделана на праславянском языке, точнее, на венецком, поскольку найдена на так называемой палеовенецкой территории, а адриатические венецы действительно использовали этрусский алфавит. В варианте “ARTE| BUD| Z| BROGDUI” появляется определённая ясность с BUD Z (“будь с”) и имеются основания предполагать, что перед нами — обращение. Скажем: “АРТЕ (имя), БУДЬ С БРАДОЮ (бородой)”. Однако данная интерпретация при всей её “славянскости” довольно бессмысленна, поскольку в ту пору все мужчины были с бородой. Или, может быть, речь идёт о некой инициации, посвящении в мужчины? Оставим как вариант. Попробуем найти другие значения слова BROGDUI, учитывая, что G во многих языках и диалектах, как-то связанных с Апеннинским полуостровом, употребляется для смягчения идущей далее согласной. Z BROGDUI, таким образом, это “z brodjuı”, — то есть “с бродью”. Что это? Слова такого женского рода мы в словарях не найдём, а вот похожие у Даля указаны: бродник, бредник,

бродец, бредень, бродцы, бродничок, бреденёк, с пояснением: “небольшой неводок, который люди, идучи бродом, тянут за собой на клячах: на двух шестах стойком”. Поскольку все эти слова восходят к слову “брод”, итуйская “бродь”, скорее всего, является броднем или бреднем. И в таком случае надпись гласит: “АРТЕ, БУДЬ С БРОДЬЮ”. Похоже, назавтра намечалась рыбалка.

— Получается, это обыкновенная записка? — удивился Стригунов.

— Да, обыкновенная записка, только на камне. А разве новгородские берестяные грамоты в большинстве своём не простые записки? “Покосил я пожню, а озерчи у меня сено отняли”, “Поклон от Марины к сыну моему Григорию. Купи мне зенящу добрую”, “Пожалуй, господин, убавь подати”... Или “Artebudz “сделал это” Brogduos” сложнее? Правда, некоторые сомнения вызывает АРТЕ (Арт) как имя. Славянское ли оно? Или, действительно, от кельтского “медведя”? Однако словенский исследователь Йожко Шавли предположил, что происхождение индоевропейского корня arh- и слова “арья” связано с земледелием. По латыни “пахать” — agare, а по-словенски — orati, и по-древнерусски, кстати, тоже. Имя АРТ, по указанной этимологии, означает “Арат” (Орат) — “оратай”, “пахарь”. Второе “а” в слове у древних славян часто проглатывалось, вот вам и “Арт”. Ну, а в форме обращения, согласно общеславянским правилам, прибавляется окончание “-е”: АРТЕ. На существование этого ныне забытого древнеславянского имени определённо указывает распространённая в России и Белоруссии фамилия Артюх (то есть “Артюх, Артов сын”), а также древнее название Азово-Черноморской Руси — Артанья или Арсания.

— Звучит убедительно, поздравляю!

— Но только не для итальянцев или немцев. Увидите, они скажут, что венетский язык — один из древних итальянских, вроде оскского или умбрского, и не имеет никакого отношения к праславянскому. Правда, перевести хотя бы одну фразу с “древнего итальянского языка” они не смогут.

— А как быть с тем, что в древности венедами называли именно славян?

— Почему в древности? И сейчас называют, причём уже не славян, а только нас, русских. Финны официально именуют Россию Venäjä, эстонцы — Venemaa, карелы — Veneä... По-фински русский — venäläinen, по-эстонски — vene.

— Интересно, итальянцы и немцы не задумывались, почему?

— Задумывались! Но финнам и эстонцам проще: у них нет ни Венеции, ни Вены.

— Это точно! — засмеялся ректор. — Кстати, о Венеции. Координатором у нас там будет наш, южноморский человек, бывший доцент моей кафедры Дмитрий Евстигнеевич Колобакин.

Колобакин? Нет, сюжеты “Аквариума” не назовёшь однообразными! Колобакин! На память невольню пришла новость, увиденная в бегущей строке по телевизору: “Скандално известный актёр Алексей Панин попытался выйти из летящего самолёта”. На миг я испытал похожее желание. Ничего хорошего с таким координатором ждать не приходится. Теперь венетологи начнут исчезать?

— Почему же Колобакин? — пробормотал я.

— А вы что же, его знаете? — бросил на меня быстрый взгляд Павел Трофимович.

Я соорудил неопределённую гримасу: дескать, может, знаю, а может, нет.

— Борис Сергеевич, оказывается, бывал у нас в Южноморске, — сказала Лилу.

— Ах, да, вы говорили! Жаль, что тогда не повстречались. А с Колобакиным было так: мы принимали у себя в университете этрускологов из Венеции, а они в ответ пригласили к себе нашу делегацию. Колобакин познакомился там с местными русскими из туристического бизнеса и решил остаться в Венеции, поработать гидом. А потом, когда он освоил язык, ему ещё предложили пойти в тамошний университет лаборантом. Ну, теперь, естественно, его подключили к организационным делам по конгрессу.

— Ещё тот организатор, — скривила губы Глазова.

— Не скажите, Оленька, Европа — не Южноморск, там умеют заставить работать.

— Так то Европа, а то Италия.

— И в Италии заставят, особенно в Северной! Это они только на юге все из себя Марчелло Мастроянни строят. Колобакин лаборантом получает в разы больше, чем у нас доцентом. Так что, небось, дорожит работой.

— И травку не курит? — съязвила Лилу.

— Ну, травку у них там все курят. Простите, вы не выпустите меня пройти к удобствам?

Я поднялся и вышел в проход, за мной — Лилу. Габаритный Павел Трофимович с трудом протиснул живот между сиденьями и спинками передних кресел.

Когда мы с Лилу остались одни, у меня мелькнула мысль: а ведь она знает о скрытой от других стороне жизни в Южноморске! Во всяком случае, знала, когда мы с ней встретились на первом витке “ленты Мёбиуса”. Не провести ли мне эксперимент, чтобы уточнить это? Я некоторое время смотрел на неё, а потом сказал:

— А ведь я всё знаю.

— Что же вы знаете? — прищурилась она. Решила, очевидно, что я намекаю на её специфические отношения с ректором.

— Не то, что вы думаете. Я знаю о невидимом болоте посреди города.

В глазах Лилу мелькнуло смятение — именно смятение, а не недоумение. Попал!

— И про то, что никто в Южноморске не помнит никакого Колобакина, а он утверждает, что всегда жил в городе, — безжалостно продолжал я.

— Ка... кое болото?! Кто вы такой?

— Тот, кто вас знает и видел, хотя вы меня не знаете и не видели. Эта особенность вам ни о чём не говорит?

— Где вы меня видели?

— У ворот кладбища, например. В мини-маркете, где выходы на разные улицы. Вы употребляете лиловую помаду и лиловый лак для ногтей. Но главное не это, а то, что я говорю вашими словами, не правда ли?

— Бред какой-то. — Она отвернулась. Руки, между тем, у неё подрагивали.

— Напомнить ещё? “В каждом дворе кого-нибудь да засосало”.

— Это был сон? — спросила вдруг Лилу, не глядя на меня.

— Если сон, то и сейчас он кому-то снится. Только кому?

— Кто там, в вашем сне, исчез?

— Из тех, кого вы знаете, господин Хачериди. А Павла Трофимовича хватил инсульт.

Она подняла брови:

— Вот как? Он умер?

— Пока я был в Южноморске, нет. Скажите, а существует ли причина, по которой вы могли привезти меня на кладбище и бросить там? Мне всё не даёт покоя этот случай.

— Вы увидели там что-то странное? Или... хуже?

— Да. Но наутро это оказалось обманом зрения.

— Это не обман зрения, — покачала головой она, — это город Южноморск. Утром там всё иначе, чем вечером.

— А вы, отправляя человека на кладбище, знаете, что он может увидеть?

— Нет, конечно. Но, если вы хотя бы одной ногой ступили в болото, то что-нибудь да увидите.

— Понятно, — пробормотал я, хотя, на самом деле, было не очень понятно.

Мы замолчали. Каждый думал о своём. Стригунов пропал в туалете.

— Зачем вы только появились? — с досадой вздохнула Ольга. — Всё настроение перед Венецией испортили. Я ведь никогда там не была, воображала, как приеду, увижу всё — каналы, гондолы, дворцы... Забуду про Южноморск с его невидимым болотом. А теперь...

— Сильно-то не обольщайтесь насчёт Венеции. Подозреваю, конгресс этот не к добру. В той реальности, откуда я появился, тоже была международная конференция — у вас, в Южноморске. Так все делегаты, кроме меня, бесследно исчезли.

— Да? А при чём здесь Венеция?

— Венеция, может, и ни при чём. А вот конгресс, делегаты — это совпадает...

— Вы думаете?..

Сзади послышались тяжёлые шаги облегчившегося ректора.

— Договорим в более подходящем месте, — шепнул я.

Мы снова пропустили Стригунова к заветному окошку.

— Сколько будет участников из России? — спросил я у него.

— Десять. В основном, из Москвы и Питера. Только мы с Ольгой Витальевной из Южноморска.

— А всего сколько?

— Пятьдесят.

Я крикнул, не сдержавшись. Павел Трофимович с удивлением посмотрел на меня.

— Много, вы считаете? Так половина ж местных, как водится. Ну, ещё словенцев немало, они же в венетологии “впереди планеты всей”.

— Да не то чтобы много... Несколько лет назад никто ещё не знал о венетологии, а сегодня на конгресс съезжаются полсотни делегатов!

— На первой конференции в Любляне и Птуе в две тысячи первом году было около двадцати участников. С тех пор много воды утекло, так что пятьдесят — нормально. Это ещё без украинцев, которых не стали звать, потому что они предъявили ультиматум, чтобы не было русских.

Да, нормально — где двадцать, там и пятьдесят, но только снова я в этой роковой полусотне... Я вспомнил невольно “Кузин лабиринт”. Был у меня кот Кузя, великий ловец мышей. Он их доставал, казалось, из воздуха, но не ел и не душил. Он любил острые психологические эксперименты. Поймает на даче мышшь и запустит её под смятый половик. Та начинает метаться в этом лабиринте, задыхаясь, а кот лежит и лениво наблюдает. И вот, когда мышшка, с отчаянно колотящимся сердцем, выбиралась, наконец, из темноты пыльного лабиринта на свободу и давала деру к ближайшему плинтусу, Кузя останавливал её одним точным ударом лапы по кончику хвоста. И снова загонял под половик. Не так ли и “Аквариум” играется со мной?

— А посмотрите, — Стригунов указал на монитор под потолком, где на карте ломаной линией отмечалось движение лайнера, — мы как раз рядом с этим Птуем и летим!

“Какое счастье! Вот уж “птуева пропасть”! — выругался про себя я. — Знаем мы ваши дурацкие совпадения! Не хватало ещё здесь грохнуться, чтобы концы ленты Мёбиуса сошлись, а нас бы вылавливали из реки бродью”. Я не стал глядеть в окошко на Птуй, чтобы не будить лихо.

Но, когда через некоторое время в динамиках раздалось: “тьнь!” и женский голос объявил заход на посадку и попросил пристегнуть ремни, я перегнулся через Лилу и посмотрел в иллюминатор. Видимость была отличной. Мы пролетали какой-то портовый город с далеко выдающимися в море пирсами — Триест, судя по монитору. За ним расстились воды Венецианской лагуны. Тень самолёта стремительно скользила по ним, — и было странно видеть её с такой высоты. Лайнер был здесь, под облаками, а тень — там, далеко внизу. Поневоле начнёшь понимать Кирова. Я прикрыл глаза. Сядем, не сядем? В прошлый раз осечка случилась на взлёте — а сейчас, что же, ждать неприятностей при посадке? Но пока всё шло гладко — без болтанки и воздушных ям. Мы снижались плавно, но неуклонно, как в компьютерной игре. За выпуклой линзой моря вырос зеленовато-жёлтый итальянский берег с далёкими белыми предгорьями Долломитовых Альп в гирляндах облаков. Под нами лежали какие-то индустриальные гиганты. Земля стремительно приближалась, вращаясь, — самолёт делал разворот перед посадкой.

— Венеция! — воскликнул ректор.

Вытянув шею, я с трудом увидел между голов Лилу и Стригунова знаменитый город посреди воды. Он напоминал не пастернаковскую *размокшую каменную баранку*, а, скорее, каких-то жрущих друг друга головастика или карданный вал. Вдали, над лесом оранжевых крыш, куполов и колоколен, возвышалась четырёхугольная островерхая башня — колокольня Сан-Марко, очевидно, а с ближнего конца клеймом впечатался в остров штрих-код железнодорожных путей, соединённых с большой землёй длинной пуповиной дамбы. Туда, на материк, мы и держали курс, и вскоре обозначились лежащие параллельно морю взлётно-посадочные полосы. Одна приблизилась, увеличилась вширь, ещё несколько томительных секунд, когда мы летели, прицеливаясь к ней, и, наконец, слегка качнувшись с крыла на крыло, как птица, сели. Аплодисменты. Я аплодировал, наверное, громче всех. У меня были на то причины.

(Окончание следует)